

ЧЕЛОВЕК и ЗАКОН

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия.

Свидетельство ПИ ФС77-23853 от 07.04.2006 г.

**Председатель
редакционного совета:**
А. Федоров

**Сопредседатель
редакционного совета:**
А. Чумаков

Редакционный совет:

А. Бондар
Н. Винниченко
В. Гриб
П. Крашенинников
А. Кучерена

Т. Москалькова
А. Пискунов
А. Пржездомский
В. Романова
С. Степашин
А. Торшин
С. Шахрай

Редакционная коллегия: Н. Карташов, И. Гранкин, М. Гранкин, С. Дышев, А. Манаев, А. Чайка

Журнал является
социально значимым изданием,
издается с 1971 года

Учредители:

Министерство юстиции
Российской Федерации,
ООО «Журнал «Человек и Закон»

Главный редактор

Владислав Гриб

Шеф-редактор

Николай Карташов

Журнал рассылается:

в Совет Федерации ФС РФ,
Государственную Думу ФС РФ,
Мосгордуму,
Министерство юстиции РФ,
Генеральную прокуратуру РФ,
МВД РФ, ФСИН,
Администрацию Президента РФ,
ФСБ РФ, ЦИК, Верховный Суд РФ,
Конституционный Суд РФ,
Общественную палату РФ,
Ассоциацию юристов России.

Адрес редакции:

Россия, 129110, г. Москва,
Олимпийский пр-т, д. 22
Тел.: (495) 953-9108
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
www.lawinfo.ru

Адрес для корреспонденции:

Россия, 115035, г. Москва,
Космодамианская набережная,
д. 26/55, стр. 7

Ответственный редактор:

Дарья Соловьева

Отдел подписки:

podpiska@lawinfo.ru
Тел.: (495) 617-1888

Подписка по каталогу:

Объединенный каталог. Пресса России –
индекс: 41497

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать.

Редакция и издатель не несут ответственности
за достоверность рекламной информации.

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Номер подписан в печать 24.04.2020.

Номер вышел в свет 06.05.2020.

Формат 170x252 мм. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 9.

ISSN 0132-0831

Тираж 2 000 экз. Цена свободная

Фото в содержании – в материалах номера
и на обложке – Фотобанк Лори.

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа»

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2

Тел. (4842) 70-03-37

СЛОВО – ПОБЕДИТЕЛЯМ

Воспоминания **Б.В. Кравцова**:

«Мы будем или убиты, или нас в плен возьмут» **4**

Воспоминания **Н.В. Алешкина**: «Земля качается,
а вместе с ней качаешься ты сам» **10**

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ – 75 ЛЕТ

Н. ГРИЩЕНКО. Нестареющее перо фронтовика **13**

С. БАБАЕВ. Отец **19**

И. БЫСЕНКОВ. Маневры в тылу врага **29**

Содержание

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРИЕМНАЯ (ВОПРОС – ОТВЕТ)	35
ПАМЯТНИКИ ОТЕЧЕСТВА А. МАНАЕВ. Там, подо Ржевом	45
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ Н. КАРТАШОВ. Жизнь и судьба генерала Ватутина	55

Жизнь и судьба генерала Ватутина

Читайте на стр. 55

«Мы будем или убиты, или нас в плен возьмут»

Воспоминания
Б.В. Кравцова

Борис Васильевич Кравцов — живая легенда, Герой Советского Со-

юза, бывший Генеральный прокурор и Министр юстиции СССР. Готовясь к встрече с ним, мы задавались вопросами о том, что мы знаем о героях в их повседневной жизни, чем они жили до войны, о чем думали, решаясь на подвиг. В квартире ветерана светло и уютно. Он приглашает нас к большому столу, садится напротив и начинает рассказывать о том, как с детства мечтал стать моряком и учился в военно-морской школе.

— Тогда на флоте служили четыре года, в основном в качестве матроса. И все равно нас это не пугало. Знаете, насколько мы были пропитаны духом службы на флоте! Даже пошили себе брюки клеш. Мы выходили из школы, сами строились, никто нам такую команду не давал. Шагали и пели: «По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там».

В год 75-летия Великой Победы Министерство юстиции Российской Федерации выпустило книгу «22 рассказа о войне. Воспоминания ветеранов юстиции». В этом, без всякого преувеличения, уникальном сборнике собраны живые свидетельства людей, которым пришлось в трудное лихолетье вместе со своей Родиной пережить тяжелые испытания. Они жертвовали собой, рисковали жизнью, терпели холод и голод, преодолевали страх и отчаяние. Но они выстояли. И победили. Не важно, сражались ли они на передовой, трудились ли в тылу, противостояли ли попыткам физического уничтожения в блокадном Ленинграде или лагере смерти, все они — настоящие герои. В подготовке книги принимали участие и сотрудники журнала «Человек и закон». Сегодня мы публикуем два рассказа (в сокращении) из этого издания.

— Откуда такое непреодолимое желание служить на флоте?

— Не знаю, как вам это объяснить. Мы были великими патриотами. Мы считали, что наша страна — самая справедливая, хотя и не знали, как жили за границей. Поэтому мы мечтали служить на флоте, в армии.

Борис Васильевич несколько раз повторяет: «Мы были великими патриотами, великими патриотами». Он говорит громко, страстно, смотрит пристально, прямо в глаза. Он хочет, чтобы мы поняли чувства таких же, как мы, молодых ребят, только родившихся почти сто лет назад.

— 22 июня учащиеся школы должны были получать удостоверения об окончании школы. Мы собрались, начальник школы стал называть фамилии и вручать удостоверения об окончании школы. В этот момент неожиданно заговорил репродуктор. Диктор объявил, что будет выступать Молотов. В своем выступлении он сказал о том, что фашисты вторглись на нашу землю. Так мы узнали, что началась война. И мы сразу себя по-другому ощутили. Почувствовали, что должны воевать. Я, конечно, думал, что попаду во флот.

Но сначала на службу призвали отца Б.В. Кравцова.

— Его призвали служить в ополчение. Он член партии и отказаться не мог. И пошел, это уже третья война для него была. Помню, как у него на

глазах появились слезинки и он сказал: «Скоро и твой черед. Береги себя».

— Вы отправились на фронт добровольцем?

— Нет, я получил повестку явиться к Белорусскому вокзалу. Мама меня одна провожала. Вспоминаю сейчас, как она надела два чулка на одну ногу. Смешно. Она переживала, понимаете. На вокзале мы не задержались. Скоро последовала команда: «По машинам».

А дальше — эшелон. В вагоне было человек тридцать, наверное. Почти все — десятиклассники. Мы думали, что едем на фронт. Потом, когда уже отъехали на значительное расстояние, заметили, что везут нас на восток.

Товарный эшелон вез Бориса Васильевича на Урал в военный лагерь для прохождения обучения в артиллерийском училище.

— Чем занимались во время обучения?

— Отрабатывали стрельбу на полигоне. Офицер-преподаватель показывал цель. Надо было быстро сообразить: какой прицел, какой угломер — быстро все это сказать и дать команду: «Угломер — такой-то, огонь! Прицел — 105, по своим опять!» Так было тоже. Вы знаете, когда подготовка бывает, то процентов тридцать снарядов по своим летят.

Борис Васильевич смеется и уже не смотрит на нас, будто снова оказался на том учебном полигоне и только что отдал команду однокурснику. Но вскоре серьезно

добавляет, что в их взводе таких случаев не было.

Военная подготовка заняла почти год. В апреле 1942 года Б. Кравцов успешно закончил училище и в звании лейтенанта был направлен на Юго-Западный фронт. Там он был назначен командиром взвода топографической разведки 822-го артиллерийского полка. И сразу попал в пекло боев на Харьковском направлении. Красная Армия тогда наступала, но уже в мае обстановка резко изменилась. Фашисты нанесли серьезные контрудары, и советские войска были вынуждены отступить, неся большие потери.

— Вы помните свой первый день на фронте?

— Была ночь. Мы с моим подчиненным вышли к переднему краю. Немцы периодически стреливали. Для меня было непривычно, когда пули рядом свистят. А мой провожатый, такой спокойный: «Да что вы, товарищ лейтенант! Они далеко». Потом я, конечно, привык.

— Каким было ваше первое боевое задание?

— Командир дивизиона нас собрал и поставил задачу готовиться к обороне. Мы все рыли окопы: и офицеры, и солдаты — надо было срочно это сделать. Утомились, легли спать в сарае на окраине села. Я спал крепко. Под утро сквозь сон слышу: что-то бурлит, кипит. Я думаю, наверное, старшина кашу на завтрак привез. А потом все начало дрожать, затряслось кругом. Мы выбежали и — в окопы. Немецкие

самолеты летят низко над селом, бомбят. Хаты горят. Артиллерия вражеская работает. Снаряды разрываются кругом. В тот момент я почувствовал войну, как говорится, шкурой своей.

— Как долго продолжался обстрел?

— Только к ночи все утихло. Но на следующий день на рассвете опять налетели немецкие самолеты. Мы начали отступать. Причем отступали по чистому полю. «Мессершмитты» висят на высоте буквально 10–15 метров и расстреливают. Упадешь на землю, прижмешься щекой, лежишь. И вспарывает землю очередь, которая пущена из самолета. Кто-то «ой» кричит, кто-то уже не кричит. Самолеты делают заход за заходом. Как живым остаться? Дошли до станции Преколотная, кто живой остался, конечно. Там были наши армейские склады, а на них огромные запасы всего: и обмундирования, и продовольствия. И даже ящики с водкой. Кто-то из бойцов сказал, что водку дают, но только офицерам. Помню, был такой бравый мужчина, старше меня, по фамилии Будник. Он попросил меня: «Товарищ лейтенант, все-таки отступаем, взбодриться бы». Я пошел, несколько бутылок взял. Будник налил в кружку водки и говорит: «Ну, лейтенант, давайте». Он выпил. Я взял его кружку и только языком дотронулся, как смотрю — немецкий самолет пикирует прямо на нас. Я бросил эту кружку и побежал за здание.

Думаю, надо хоть где-то спрятаться от бомб. Грохот страшный стоит, камни летят, люди кричат. Я упал на землю, у меня плащ-палатка была, шинель — все на голову. Думаю, хоть бы

голову не пробило. Потом самолеты улетели, чтобы развернуться и снова бомбить. Я вышел и увидел, что Будник лежит мертвый. Ему голову отсекло осколком бомбы. Рядом находилось штабное хозяйство: лошади, несколько повозок, много чего, чтобы обеспечивать боевые подразделения. И ничего не осталось. На ветвях висят фрагменты человеческих тел и лошадей.

— Часто приходилось попадать под такие обстрелы?

— В 42-м — часто. Это тяжелый год, самый тяжелый. Немцы очень сильны были. Помню, в бинокль я увидел, как вдалеке блестят стекла автомашин. Только сказал об этом командиру взвода Федоренко, как «тиииии» — и разрывается снаряд недалеко от того места, где мы находимся. Потом второй снаряд, третий. Били по нашей колонне. Все наши бросились в правую сторону, там село было. Причем вверх надо было бежать. Это ужасно! Я был ранен в ногу, ехал на телеге. Кони не могут — устают. Телега вязнет. Я тогда все бросил. Даже вещмешок, который мне мама дала. Снаряды разрываются, если не убежишь — погибнешь. И все же мы смогли найти укрытие. Вокруг меня собрались и офицеры, и солдаты. Все расстроенные. У некоторых молодых я заметил слезы. Плакать начали, представляете?

Времени на скорбь не было. Лейтенанту Кравцову сразу же поступил новый приказ: срочно найти замену уничтоженному наблюдательному пункту.

— У нас был запасной вариант — деревенская хата. Ночью все обору-

довали. Нужно было определить координаты, то есть месторасположение, и нанести их на карту. Полез я за своей картой, а ее нет. Это же секретный документ. У меня прямо голова закружилась. Это же преступление! Я даже бойцам не стал говорить о пропаже. А сам пошел по маршруту, где мы шли. Иду, уже начало рассветать. Если немцы не спят, они, конечно, меня подстрелят. Но я даже об этом не думал. Все мысли были подчинены одному — найти карту, потому что на ней отмечены все наши позиции. За утрату меня ожидал трибунал, потом — штрафбат. А ведь меня только что назначили начальником разведки, я радовался, а тут вот, пожалуйста. Добрался до того места, где мы делали привал. Смотрю, там лежит.

— Как вас люди в селах встречали?

— Радушно. И хлеб предлагали, и молоко. У кого что было. Воды попить — это пожалуйста. Однажды мы собрались в одном уютном доме. Был вечер, и девчонки говорят: «Давайте заведем патефон. Может быть, потанцуем». В разгар танцев приходит адъютант командира дивизиона и передает мне приказ: «Товарищ лейтенант, вас срочно требует командир дивизиона».

Так для Бориса Васильевича началась знаменитая операция — форсирование Днепра, за которую он получил звание Героя Советского Союза.

— Командир дивизиона сообщил о начале форсирования Днепра и приказал мне с группой разведчиков в составе пехоты переправиться через

Днепр. В дальнейшем, связавшись по радио, нам предстояло корректировать огонь артиллерии и обеспечивать подавление выявленных огневых точек. «Имей в виду — вся артиллерия на тебе!» — дал напутствие командир. И вот мы погрузились на понтон. Понтоны — это такие огромные металлические корыта. Человек 20, наверное, было на понтоне. Следом за нами шли другие понтоны. Днепр широкий в том месте. Уже темно. Немцы нас не ждали. Так, постреливали, пули трассирующие летали над Днепром то в одном направлении, то в другом. Постепенно приближаемся к берегу, уже прорисовываются контуры деревьев, кустарников. И вдруг понтон наш на мель сел. Я немедленно даю команду прыгать в воду и двигаться к берегу. Оказавшись на берегу, я сразу же выбрал наблюдательный пункт, установил связь с левым берегом. Немцы обнаружили нас только через некоторое время и открыли огонь. Я тут же передал сообщение на левый берег в дивизион: «Немцы контратакуют. У нас есть пристрельный ориентир. Два снаряда, огонь для пристрелки». Они выполнили команду, я — в биннокль. Смотрю, все снаряды попали в цель. Я вновь даю установку: «Шесть снарядов, беглый, огонь по наступающим». Шквал огня. Это подействовало. Притихли немцы. Видимо, мы хорошо их побиили этим огнем. И так вот всю ночь. Я все время уменьшал прицел, потому что немцы приближались. Уже светало, когда немцы оказались совсем близко. Что делать? Я передаю команду: «Цель — наш наблюдательный пункт. Огонь по нашему НП. Мы — среди немцев».

Борис Васильевич говорит про это легко, без тени тревоги или печали. Будто мы обсуждаем старый военный фильм, а не его решение сделать из себя мишень.

— Вам было страшно отдавать приказ стрелять по себе? Это же прощание с жизнью.

— Я понимал, что так или иначе мы будем убиты или нас в плен возьмут. Но скорее всего убиты. Или поиздевались бы над нами. А так хоть какие-то шансы остаться в живых были. Вдруг снаряд в нас не попадет? Я на это и надеялся.

— Что было дальше?

— Ждем наших снарядов, потому что у пехоты не осталось боеприпасов, нечем было отстреливаться. К тому же разорвалась граната в проходе, недалеко от того места, где я стоял. Меня ранило. Осколок попал и в радиостанцию, она вышла из строя. Я вам долго рассказываю, а счет шел на секунды. И вот мы слышим такой нарастающий свист. Снаряды наши стали разрываться. Один попал в край блиндажа. Другие — справа, слева. Тротилом запахло. Завалило наш НП. Балкой придавило моего радиста. А потом неожиданно как-то тихо стало, я прислушался. На левом берегу лают собаки. Наши прекратили стрельбу, потому что много снарядов было выпущено. И я понял, что немцев нет: убиты или отступили.

— Как вам удалось связаться с командованием, если радиостанция была повреждена?

— Я спросил у наших пехотинцев: «Где командир батальона? У него связь». Мне отвечают: «Он на берегу». Я быстренько туда. Радист набрал мне батарею, и я говорю: «Данные

для стрельбы последние, которые я давал — откройте заградительный огонь». На левом берегу: «Живой?!» Я отвечаю: «Ну, слышите мой голос?».

Борис Васильевич улыбается, будто и не было той ночной переправы в кромешной темноте, страха быть пленным или убитым, не было взрывов и ранений. Вечером того же дня лейтенант Кравцов получил приказ вернуться на левый берег, но об этом он узнает лишь тогда, когда будет удостоен награды за подвиг. Почему приказ не дошел до него вовремя, так и осталось неизвестным.

— Вы за эту операцию получили звание Героя Советского Союза?

— Да. Причем с награждением была целая история. Мои подчиненные получили ордена, а меня оставили без награды. Когда рассматривали мое представление на звание Героя на военном совете фронта, его все поддерживали. Только один генерал, Желтов, выступил против: «У него был приказ вернуться. А он там продолжал воевать. В общем, не выполнил приказ. Как же ему Героя давать?». Тогда решили, что раз он возражает, давайте подождем, когда командующий фронтом Малиновский будет. Он председатель Совета. У Малиновского сомнений не возникло: «Нет вопросов. Он герой». О присвоении мне звания Героя Советского Союза я узнал много позднее, в госпитале, когда получил телеграмму от мамы с поздравлением.

— В госпитале вы оказались после ранения во время форсирования Днепра?

— Нет, зимой, в канун Нового года. Я должен был найти место для штаба.

Взял ребят своих, и мы пошли по снегу пешком. Впереди село, а перед ним накануне был очень сильный бой. Видим, лежат трупы наших солдат и офицеров. Мы постояли, шапки сняли. Потом прошли чуть дальше. А там блиндаж немецкий. Зашли — он свободен. Немцы убежали. На столе бутылки, закуска — все было, понимаете, у них.

Борис Васильевич делает паузу. Он пытается скрыть дрожь в голосе, но в его словах сквозит обида за неуместную роскошь.

— Пришли в село. Туман. Слышно, как немцы командуют: «Айн, цвай, драй, фир! Фойа!». То ли миномет, то ли пушка ведут огонь. И тут снаряд разорвался сзади меня. Было ощущение, что меня бревном по ноге ударили. Лежу, встать не могу. Подбегает де-вушка-санструктор, такая щупленькая, небольшого роста, спрашивает: «Товарищ лейтенант, вы ранены?». Я говорю: «Нога». Она мне перевязку сделала. Через некоторое время подошли уже мои ребята-разведчики. Замполит части Кравченко сказал: «Борис, дорогой, лечись, мы тебя будем ждать».

Но на фронт из-за тяжелого ранения Борис Васильевич так и не вернулся. Сначала его доставили в медсанбат, потом на машине отправили в Запорожье, где ночью он оказался на хирургическом столе. Перед врачами стоял вопрос: смогут ли они сохранить ногу молодому офицеру.

— Меня долго осматривал хирург. Потом вынес окончательный вердикт: «Нет, все, будешь ходить».

После этого лейтенанта Кравцова направили на реабилитацию в Армянскую ССР, где он пробыл больше четырех месяцев.

— Мне там дали газету, где указаны фамилии, кому присвоено звание героев, и я с ней везде ходил, чтобы билеты получить. И правда мне давали билеты.

— **Там Вы узнали о Победе?**

— Уже в Москве. Я носил Звезду Героя. Меня хватали, поднимали, обни-

мали: «Вот какой молодой герой!». Я совсем юный же был — мальчишка.

Жизнь Бориса Васильевича была наполнена серьезными жизненными испытаниями, и несмотря на то что Великая Отечественная война была страшным событием в судьбе всех советских людей, об этом периоде он говорит легко, без пафоса и нравоучений. Перед нами сидит не бывший министр, а тот самый лейтенант Кравцов.

«Земля качается, а вместе с ней качаешься ты сам»

Воспоминания Н.В. Алешкина

Николай Васильевич приоткрывает шкаф и достает китель. О своих многочисленных наградах он рассказывает скромно, хотя на кителе почти не осталось свободного места. Фронтовик награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, тремя медалями «За боевые заслуги». Позолотой отливают самую ценную для него награду — орден Красного Знамени.

— **Как Вы получили эту награду?**

— Орден мне вручил в 1944 году командир бригады Баграмян. Я поблагодарил его не по-уставному: «Спасибо». А он мне: «Служу Советскому Союзу!». И я ответил: «Служу Советскому Союзу!».

Для Николая Васильевича служение Отечеству имеет особый смысл. В этом вопросе он не допускает сомнений и называет службу не иначе как долгом. В июле 1941 года, спустя месяц после начала войны, Николай — лейтенант, только что окончивший Тюменское пехотное училище. Многих таких же, как он, выпускников отправляют на фронт. Ему же еще два года предстояло обучать курсантов Ульяновского пехотного училища для действующей армии.

— **Вы хотели попасть на фронт?**

— Все мы, воспитанные в духе любви к Родине, рвались на фронт. В Ульяновском пехотном училище я был до 1943 года. А потом, думаю, война-то уже в разгаре. Некоторые офицеры специально женились, чтобы не попасть на фронт. Не знаю... Они боялись, что

ли, фронта? Я, наоборот, пошел к заместителю начальника училища и говорю: «Тут болит, тут болит, тут болит — хочу на фронт!». И он помог. В 1943 году меня направили на Южный фронт. Сначала был офицером связи, а потом, буквально через несколько месяцев, меня назначили помощником начальника штаба бригады по разведке. И до конца войны был на этой должности.

— Какими были ваши первые впечатления на фронте?

— Лесополосы вдоль дорог были забиты мертвыми людьми и лошадьми. Самолеты наносят бомбовые удары, стреляет артиллерия, режут двигатели танков. Кажется, земля качается, а вместе с ней качаешься ты сам. Шла жестокая война.

— Вам было страшно?

— Страх не было, нет. Мы были слишком молодые. Даже интересно было. Были случаи, что хоть стреляйся, безвыходная ситуация. Мне нужно было передать распоряжение командиру батальона. Командный пункт был под подбитым танком в чистом, простреливаемом противником поле. Я сначала пробежал метров пятьдесят — лег, еще пробежал — лег. И так несколько раз. А потом понял, что надо менять тактику, и побежал, виляя то вправо, то влево. Немцы будут стрелять, могут и не попасть. Добрался до КП невредимым, передал распоряжение. Там встретил своего товарища, Ивана. Он мне начал показывать передний край обороны немцев. Чуть приподнялся над окопом — и пуля ему в лоб.

Рассказывая о гибели товарища и ранениях, Николай Васильевич вол-

нуется. По легкой дрожи в руках и по грустному взгляду видно, что такие воспоминания даются ему нелегко. Фронтовик вспоминает, как однажды холодным мартовским днем он шел в батальон с распоряжением, увязая в раскисшей почве. И вдруг из-за пригорка появились 10 самых страшных немецких танков — «Тигров» — и открыли огонь. В 100 метрах от Николая Васильевича разрывались снаряды. Выход был один — лечь в грязную лужу. Но он не смог заставить себя. Спрятался за телеграфный столбом. Так и простоял до ухода танков. В другой раз Алешкину надо было срочно покинуть город, занятый немцами. Он скакал на лошади, пытаясь уйти от погони. И вдруг преграда — забор, лошадь встала, боясь прыжка. Он бьет ее, но она не подчиняется. Еще немного, и его схватят. В последний момент ему все же удалось заставить лошадь совершить прыжок. Смертельная опасность миновала. Орден Красного Знамени Николай Васильевич получил за участие в Корсунь-Шевченковской битве — одной из выдающихся операций по окружению и уничтожению крупной группировки противника, получившей название «Сталинград на Днестре».

— Как проходила Корсунь-Шевченковская операция?

— Мы с разведротой с боями прошли 90 километров за три дня. Преследовали отступающих немцев. В первый же день овладели Капитоновкой, небольшим украинским се-

лом. Всю ночь немцы из танковых орудий вели огонь по восточной окраине. Село было объято огнем. Сгорело много домов, не один десяток. На следующий день разведрота продолжила выполнять приказ и к концу дня заняла село Шпола, уничтожив по пути несколько групп отходящих немцев. Здесь, в Шполе, находился штаб гитлеровской дивизии, который мы разгромили. В дальнейшем разведрота выдвинулась в сторону города Звенигородка, первой вошла в город, положив начало окружению немцев.

— Известно, что немцы всячески пытались вырваться из окружения, подтянули туда крупную танковую группировку...

— Для разведки этой группировки был сформирован крупный отряд, которым мне поручили командовать. Мы установили, что южнее от города сосредоточены две танковые дивизии — «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова». Сами мы обосновались в двух населенных пунктах — с нашим приходом они были освобождены от фашистов. Потом к нам присоединились партизаны. От них получили много ценных сведений, в том числе о том, что в Тальном, селе недалеко от нас, стояла австрийская пехотная рота. Ночью мы внезапно ее атаковали и захватили в плен большую группу солдат противника.

— К концу войны бригада, в состав которой входил Ваш отряд, была переброшена в Германию, в город Глогау. Какие боевые задачи вам пришлось решать?

— Там была окружена большая фашистская группировка. Враг несколь-

ко раз пытался вырваться из кольца. Отдельным группам это удалось сделать. Немцы днем скрывались в лесах, а ночью пробирались к Берлину. Их нужно было уничтожить, что и делал мой отряд. Мы предугадывали путь гитлеровцев и устраивали засады. Если они сдавались, то брали в плен. Если нет — уничтожали. Около 100 человек мы тогда взяли в плен и несколько групп уничтожили.

— Каким Вы запомнили это время, проведенное в Германии? Жизнь там отличалась от той, которая была в Советском Союзе?

— Трудно сказать. Нас кормили, поили. У нас не было проблем. Но, наверно, и там, и там плохо было. Война.

Николай Васильевич встретил окончание войны в Германии, уже в звании капитана. В этот день он пошел в разведроту с комиссаром бригады, подполковником Винокуром.

— Винокур любил выпить. «Пей, — говорит, — за Победу». Я не пил. Он настаивает. «Не буду», — говорю. А он свое: «Пей и все!» И достает пистолет. Пришлось выпить, конечно.

Николай Васильевич произносит эти слова и смеется. Он признается, что пить так и не научился. Ему 97 лет. Он полон сил и какого-то почти молодецкого задора. На вопрос, как ему это удастся, отвечает, что пробежка с утра для него еще недавно была обязательным ритуалом.

Нестареющее перо фронтовика

В свои без малого 95 лет бывший номер расчета роты противотанковых ружей 828-го стрелкового полка 197-й Брянской Краснознаменной стрелковой дивизии красноармеец Владислав Мефодьевич Шаповалов по-прежнему остается в строю.

...В апреле 1944 года Владислав Шаповалов, уроженец Днепропетровщины, в возрасте семнадцати лет ушел на фронт. В составе 1-го Украинского фронта принимал участие в боях за освобождение от фашистской нечисти Правобережной Украины, а затем и европейских государств. Воевал номер расчета роты противотанковых ружей красноармеец Шаповалов исправно, за что был удостоен самой главной солдатской награды — медали «За отвагу».

Вот как об этом было сказано в приказе о его награждении: «...в момент отражения контратаки противника в ночь на 3 августа 1944 г. под ураганным минометно-артиллерийским огнем доставил срочное приказание командования и лично уничтожил 6 гитлеровцев».

После окончания Великой Отечественной войны вчерашний фронтовик связал свою жизнь с педагогической деятельностью. После окончания филологического отделения Днепропетровского государственного университета Владислав Мефодьевич 30 лет работал учителем, завучем, директором общеобразовательной школы. Словом, сеял доброе, вечное. При этом занимался литературным творчеством — писал рассказы, повести и романы. В 1980 году его приняли в Союз писателей СССР.

В. М. Шаповалов 7 ноября 1944 года г. Фокшаны

А в 1982 году Шаповалов переехал в Белгород. Здесь, на Белгородчине, он полностью посвятил себя писательскому труду. На сегодняшний день тираж его романов, повестей и рассказов составляет более двух миллионов экземпляров. Они опубликованы на русском, украинском, испанском, португальском, польском и нидерландском языках.

Не может не возникнуть закономерный вопрос: как получилось, что педагог по образованию, директор школы, крайне занятой человек, вдруг стал писать книги? Ответ на

этот вопрос дал сам писатель в одном из своих интервью: «Отец мой был научным сотрудником, и до войны институт перечислял в книжный магазин деньги, чтобы он брал необходимую ему литературу. Обычно отец прихватывал меня с собой и за долготерпение, пока он копался на полках, дарил мне книги — Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Любовь к литературе привил мне именно отец, да еще учительница в школе Любовь Ивановна: так увлекательно она рисовала нам иной мир, жизнь слова. Потом я сам тридцать лет проработал в школе, и первая моя опубликованная в киевском журнале «Пионерия» повесть «Мишка» была для детей. Был о медвежонке, попавшем в дни Курской битвы в распоряжение летной части, рассказал мне Герой Советского Союза полковник Н.К. Лысенко».

Повесть «Мишка» была опубликована в 1963 году. В 1967 году увидела свет и в дальнейшем выдержала девять изданий повесть «Старый букварь». Вышедшая в 1976 году повесть «Зачарованный бор» была отмечена премией и Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. Перу писателя принадлежат рассказы «Живите весело на свете» (1982), «Весны детства» (1985), «Дедушкины вечера» (1988), которые завоевали большую популярность среди детей и подростков. Детская проза писателя получила всесоюзное признание.

Участие в Великой Отечественной войне, учительский труд особенно проявились в талантливых книгах Шаповалова «По всей линии фронта», «Руки матери» и других, где отчетливо и последовательно развиваются военная тема и тема сози-

дания, где утверждаются идеи гуманизма, патриотизма, национальной гордости, воинской чести и преданности служения Отечеству.

Его книги выставлялись на Международных книжных выставках-ярмарках, а поэма в прозе «Медвяный звон» с иллюстрациями заслуженного художника России С. Косенкова — во Дворце Наций ООН, где получила грамоту.

Судьба не всех произведений писателя складывалась счастливо. По словам самого Владислава Мефодьевича, почти у всех его книг, не считая, может быть, детских, была трудная судьба. В первой половине восьмидесятых годов выходит повесть «Серые великаны», обличающая номенклатурную систему советского общества. После опубликования ее в журнале «Север» был большой резонанс. Книгу обсуждали и на Центральном телевидении СССР, и на Секретариате Союза писателей РСФСР, но затем цензоры наложили на повесть «табу», усмотрев в ней «очернение советской действительности».

Еще более трудная судьба ждала роман о войне и об оккупации «Белые берега». Долгие годы рукопись романа пролежала в редакции журнала «Наш современник», где срок ее издания постоянно переносили. В итоге роман был опубликован в воронежском литературно-публицистическом журнале «Подъем». Один из литературных критиков так написал об этом произведении: «Белые берега» — это книга-документ, книга-предупреждение. Пример ее героев — это наглядное подтверждение той истины, что чужой беды не бывает, и набатное напоминание каждому об ответственности за свои поступки».

Солдаты и офицеры роты ПТР В.М. Шаповалов второй справа в последнем ряду

В 1997 году было положено начало журнальной публикации романа «Грезы» — своеобразного итогового осмысления действительности на полувекковом творческом пути писателя.

Исходя из перечисленного, невольно возникает вопрос: каким же писателем считает себя В. М. Шаповалов — «взрослым» или детским? Вот как отвечает на этот вопрос сам Владислав Мефодьевич:

— Русская литература тем и отличается от других литератур, что каждый серьезный писатель, не говоря уже о классиках, уделит внимание детской книге. Возьмите любого: Пушкин, Жуковский, Толстой, Чехов, Тургенев...

При знакомстве с творчеством Владислава Мефодьевича обращает на себя внимание то обстоятельство, что он не только не повторяется из произведения в произведение в использовании средств изображения действительности, но и даже меняет

жанр повествования, присущий только определенной теме, идее. Одна из последних его работ, озаглавленная «Тернии», не рассказ, не повесть и не роман в их классическом виде. Здесь сопряжены элементы автобиографичности, художественности, историзма, любознательности, публицистичности. А повесть «Четвертое поле», вышедшая в 2015 году, о сегодняшнем времени, о формировании нового взгляда на современность, на отношение к личной собственности, к родной земле.

Будучи равнодушным к судьбе России, писатель смело отстаивает свою гражданскую позицию: печатается в газетах и журналах на общественно-политические темы — размышляет, предупреждает. Публицистика автора обусловлена его жизненными, нравственными принципами. Он обращается к злободневным вопросам современности в поисках новой национальной идеи, пишет о своих собратьях по перу.

Интересен и многогранен мир писателя Шаповалова, но не меньшего внимания заслуживает и его издательская деятельность. Владислав Мефодьевич вспоминает:

— В конце восьмидесятых и в лихие девяностые государственные издательства одно за другим закрывались. Мои два романа в столичном «Советском писателе» должны были выйти, но год от года все откладывалось. Я туда приехал, а уже все рукописи из шкафов вывалили на пол, и работники ушли. И тогда у меня возникла идея: сейчас ведь можно учредить свое издательство.

Владислав Мефодьевич тогда же, не теряя времени, поехал в Министерство печати — на разведку. Там писателю объяснили: чтобы открыть частное издательство, надо заручиться поддержкой местных властей. В Свердловском райисполкоме Белгорода с ходу выдать разрешительную справку отказались. Но предложили прийти на заседание, чтобы дать пояснения.

— Ну, вот я на заседании в исполкоме, где сидят солидные люди и не могут понять, как это я один (!) могу открыть издательство, — с улыбкой продолжает Владислав Мефодьевич. — Заявляю: давайте попробуем!

Судили-рядили в исполкоме, но раз решение все-таки дали. Однако это полбеды. За лицензию нужно было заплатить немалые по тем временам (еще советским) деньги: десять тысяч рублей. Для сравнения: тогда модная «девятка» (ВАЗ-21 093) стоила 9100 рублей.

У Шаповалова на сберкнижке лежали гонорары за написанные им книги — в 80-х годах они у него выходи-

ли каждый год большими тиражами. И платили за них немало. Эти-то личные сбережения Владислав Мефодьевич и потратил на свою издательскую авантюру.

— Купил лицензию и два рулона бумаги. И все. Остался без денег. Ну, тогда-то все остались без денег, а я вот с бумагой и лицензией, — посмеиваясь, добавляет писатель.

Вначале Владислав Мефодьевич Шаповалов издал несколько своих детских книжек.

— Работать было очень просто. Издание детской литературы не облагалось налогами. Я нашел хорошую новую типографию в Липецке и печатал по 100 тысяч, 200 и даже 300 тысяч экземпляров книг.

Что примечательно: печатали по договору, без предоплаты. Верили на слово. Загружал Шаповалов свои свежотпечатанные книги в фуру и вез их в Москву на Центральную книжную базу. Оттуда литература без промедления разлеталась в разные концы большой страны, и буквально через 3–4 дня писателю на сберкнижку поступали за издания деньги, которыми он рассчитывался за типографские услуги.

На первых порах издательские дела Шаповалов полностью «тянул» сам. С набором текстов и прочими компьютерными делами помогал сын Виталий. Постепенно Владислав Мефодьевич приобретал для издательства типографское оборудование. Сам ездил на специализированные выставки в Москву и по очереди закупал печатную, ниткошвейную, термоклеевую и биговальную машинки, специальные типографские ножи-гильотины, оборудование для тиснения. И бумагу — огром-

ные тяжеленные рулоны — разгружал (это в его-то годы!), и во все типографские процессы вникал до мелочей. Вот что значит фронтовая закалка!

В начале 90-х книги в издательстве Шаповалова выходили одна за другой. Он наращивал тиражи, готовил новые выпуски. Его частный бизнес процветал. А потом...

— Пришел Ельцин, грянули либеральные реформы, и такие времена настали... Я обанкротился! У меня ни копейки денег, и я ничего не могу делать, — с горечью вспоминает Владислав Мефодьевич трудный период жизни.

Однако же руки разорившийся издатель не опустил. Он обратился за помощью к губернатору Евгению Савченко.

— Я пошел к Евгению Степановичу и рассказал, что вот такое значимое для духовной и культурной сферы было у меня начинание, и как ему подорвали корни.

Глава области распорядился выдать писателю беспроцентный заем в миллион рублей. И когда Шаповалов не успел его вернуть в срок, пролонгировал договор еще на год. На заемные деньги Владислав Мефодьевич реанимировал свое издательское дело, и средства в областную казну вернул до копейки. Снова стали выпускать книги.

За прошедшие с тех пор годы Владислав Мефодьевич издал несколько десятков книг. Благодаря трудам Владислава Мефодьевича была издана двухтомная «Антология военной прозы и поэзии Белгородчины». Это уникальный литературный памятник самому орденоносному в истории поколению. В антологии около 150 авторов, в том числе треть — участники

войны. В это издание включены стихи, поэмы, рассказы, повести, отрывки из романов, очерки, публицистика и воспоминания. Таким образом, материалы сборника представляют собой не только литературно-художественную, но и историческую, документальную, краеведческую ценность.

Активна общественная деятельность Владислава Мефодьевича. Он выступил инициатором проекта белгородского фонда «Детская книга» в поддержку чтения. Владислав Шаповалов разработал программу литературно-художественных изданий для детей младшего школьного возраста. С 2014 года в его издательстве «Звонница» вышли в серии «Детская книга» произведения Пушкина, Лермонтова, Бунина, Ушинского, Толстого и других классиков отечественной словесности. Знаковым событием в духовной жизни Белгородчины стала книга Владислава Шаповалова «По всей линии фронта» (2003), предназначенная для семейного чтения. В этом произведении он дает моральные заповеди: противостояние беспамятству, уважение к старшим, гордость за свою страну, причастность к добрым делам во благо России, сочувствие и сострадание, любовь к братьям меньшим.

В интервью «Литературной газете» Владислав Мефодьевич, говоря о своей издательской работе, особо подчеркнул: «...к 1998 году успел осуществить несколько уникальных изданий. Объемистое и фундаментальное исследование московского писателя В. Бекетова «Прохоровское поле» — о великом танковом сражении на Курской дуге; антологию «Потомкам», в которой собрал стихи, прозу, воспоминания о во-

В рядах Бессмертного полка с губернатором Е.С. Савченко

йне белгородских писателей-фронтовиков. Изданы также воспоминания воинов-афганцев и белгородцев — ликвидаторов аварии на Чернобыльской атомной электростанции. За многие годы в издательстве вышло более ста книг белгородских авторов разной тематики общим тиражом около двух миллионов экземпляров.

С 1997 года Владислав Мефодьевич Шаповалов является главным редактором белгородского общественно-политического, литературно-художественного и научного журнала «Звонница», учрежденного управлением культуры области.

— «Звонницу» я стараюсь максимально приблизить к Правде с большой буквы, и чем больше в ней будет подлинной правды, тем журнал станет притягательнее, что будет способ-

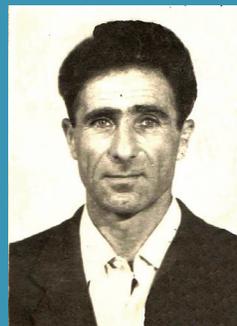
ствовать его продвижению по городам и весям великой России. Известность нашего провинциального журнала вышла далеко за пределы региона.

Владислав Мефодьевич Шаповалов был и остается верным идеям гуманизма, не изменившимся в течение всего своего непростого жизненного пути, чести, совести, любви к Родине, ответственности за ее будущее. Он спешит творить, сохранить национальное культурное наследие, преемственность поколений. Эта жизненная позиция определяет смысл жизни писателя, фронтовика, педагога, просветителя, издателя.

Николай Грищенко,
член совета
Белгородской региональной
организации ветеранов

Отец

15 мая 1991 года в госпитале для инвалидов Великой Отечественной войны, успев самым краешком жизни зацепить День Победы, умер фронтовик. Случай ничем не примечательный, солдаты той войны каждый год, словно печальными шеренгами, переступают эту роковую грань. И вот еще один, ни ответственных постов не занимавший, ни наградами высокими не отмеченный. Словом, рядовой советский человек; возраст — семьдесят, по месту рождения и прописке — бакинец, партийность — член КПСС, национальность — армянин, последнее воинское звание на фронте — лейтенант...

Но для меня... Нет для меня фронтовика роднее и ближе, чем этот невысокий черноволосый танкист с двумя кубиками в петлицах, как на фотографии, датированной июнем сорок первого, нет для меня ветерана заслуженнее и дороже, чем этот седой, высушенный болезнью старик в слишком просторном для него красном гробу. Мой маленький танкист, мой упрямый спорщик... мой защитник, моя совесть и боль... Мой отец.

Когда он был жив, я о нем не писал. А ему, особенно ближе к старости, хотелось выговориться, рассказать о своей жизни, обстоятельно, подробно. Тем более что судьба ему досталась — врагу не пожелаешь. Да все как-то не складывалось: то отпуск у меня короткий, то дел невпроворот, то настроя подходящего нет... И его рассказы западали в мою память фрагментарно, от случая к случаю, без дат, фамилий, цифр... Все откладывал на потом, все думал: уж кто-кто, а отец еще поживет. Только когда вдруг узнал, что остались ему считанные недели и дни, спохватился. Вечерами, после работы, приезжал в госпиталь, под-

саживался к его кровати с тетрадкой и ручкой: «Давай работать»... Да только стариковская память — дело ненадежное, многое позабылось. А потом и болезнь стала брать свое...

Я хочу рассказать о своем отце — Рафаэле Аркадьевиче Бабаеве, что покоится сейчас под Москвой, на Домодедовском кладбище, потому что в его страшной судьбе, как в капле воды, отразилась судьба его поколения — поколения победителей, ровесников нашего государства. И еще потому, что я ему это обещал...

Мой отец родился 7 ноября. День рождения мамы — тоже 7 ноября. И поженились они опять же 7 ноября. Ну, что тут поделаешь... Тогда время было такое: символам, связанным с Октябрем, именам вождей и прочему придавали просто невероятное значение. К примеру, маму мою называли Дизи, что является аббревиатурой следующей формулы: «Дети исполняют заветы Ильича». И это было рядовым явлением.

Однако чтобы супруги родились под одну и ту же красную дату — та-

кое даже по тем временам редкость. Вот только не скажу, чтобы это хоть в какой-то мере положительно повлияло на их судьбы...

О детстве своем отец говорил редко, но всегда с какой-то задиристой усмешкой, как бы хвастаясь и тут же над этим своим наигранным хвастовством посмеиваясь: «Знаешь, как я на нашей улице шпану лупил, когда Бориса, младшего брата, обижали?» или «Э-э, я тогда на мандолине играл, пел не хуже Утесова!». Я долго воспринимал его замечания, как шутки, пока, уже повзрослев, не сопоставил их с рассказами наших знакомых, отцовых сверстников, с документами... Тогда я неожиданно для себя вдруг понял, что мой отец — слесарь, потом механик в гараже, всегда пахнущий бензином, с руками в мазуте, которые он каждый вечер отмывал щеткой, словом, работяга — в юности был разносторонне одаренным парнем. Он хорошо рисовал — написанный им в школе портрет Отто Юльевича Шмидта был отобран на городскую выставку. Он играл на гитаре, мандолине, банджо — еще старшеклассником устроился подрабатывать в джаз бакинского кинотеатра «Форум», а это по тем временам высокий класс. Он занимался боксом — был призером республики среди юношей... А еще танцевал, увлекался автотехникой, показывал фокусы... Конечно, детство его не было безоблачным, там остались и голод, и бесконечные очереди за хлебом, и обиды, жили-то трудно, как все. Но в сравнении с тем, что ожидало его потом, детские и юношеские воспоминания несли на себе отблески праздника.

В школе отец мечтал стать врачом, хирургом. Но в конце десятого класса его захлестнула общая волна — в армию! В «сталинские соколы»! Это был тридцать восьмой год, мы готовились воевать, готовились побеждать малой кровью на чужой территории. И отец подал документы в летное училище. Но случай: вместо летного документы оказались в танковом. Тогда же, в тридцать восьмом, отец стал курсантом Киевского танко-технического училища.

...В сороковом в составе того же училища, переформированного в бригаду, на своих танках вступали они в Северную Буковину. До большой войны оставалось совсем немного...

21 июня техник-лейтенант Рафаэль Бабаев, мой отец, был на танцах. Их 24-й тяжелый танковый полк 12-й дивизии был расквартирован в Стрые, небольшом городке на Западной Украине, недалеко от границы, и молодые офицеры-холостяки субботние вечера проводили на танцах. Жили они в городе на квартирах, а часть располагалась за городом, в военном городке. Тот вечер был теплым, мягким, домой отец вернулся поздно. А на рассвете загромыхало...

В окно разглядел вдали зарево. Быстро оделся, проверил пистолет, в это время на улице раздался рокот мотора — приехал ординарец. Объяснять ничего не нужно было, все уже знали — это война. Что он чувствовал тогда, когда они мчались по пустынным ночным улочкам? Отец всегда говорил, что нет, страха не было. Наоборот, был когда-то молодой азарт, мол, наконец-то, дождались! Ну, теперь держись!

В военном городке часть боксов горела, но танки уже вышли из них, вытягивали колонну. Отец говорил, что дивизия у них была могучая: машины все — по штату, и какие! «Тридцатьчетверки», боекомплекты — полные, топлива — вдоволь. В отвесах пламени вышли они, грозно лязгая гусеницами, навстречу войне. Запомнился отцу в те минуты их комдив, фамилия его, кажется, Мишанин. Он стоял на броне, держась рукой за ствол, и отдавал распоряжения. Говорили потом, что он также и в бой пошел, в свой первый и последний бой...

С немцами столкнулись на следующий день, между Стрыем и Тернополем. Был встречный бой. Жестокий, лоб в лоб. Немцы, уверенные в своей непобедимости, лезли вперед, наши, не менее уверенные в себе, рвались «воевать на чужой территории». Бронированные полчища столкнулись, смешались в огне и дыму: где свои, где чужие?

Техник-лейтенант Бабаев оказался за рычагами командирской машины и поле боя видел только через смотровые щели. Сколько длился этот бой? Наверное, недолго. Мысль одна: вперед! Атаковать оказавшегося поблизости врага — или ты его, или он тебя. Сквозь грохот оружейных выстрелов и стрекот пулеметов, вперед, ближе, врезать «лбом» по его гусенице, свернуть ему скулу набок, давить, строчить, давить, стрелять!.. Хорошо помню его слова: «Мы же тогда ни черта не боялись».

Поле боя было усеяно чадящими факелами подбитых машин. Танк отца уцелел. Основные силы немцев отвернули в сторону, здесь обломали один

из хваленых немецких танковых клиньев. Остатки полка «тридцатьчетверок» к вечеру собрал полковой комиссар. Помощи нет, боеприпасы и топливо на исходе. Осталось шестнадцать танков. Пригнали пленных — четыре десятка немецких танкистов. Отец вспоминал: все рослые были, рыжие, поначалу ошалевшие после боя, а потом ничего, пришли в себя, осматриваться стали. Приказали отцу взять троих бойцов с автоматами и отконвоировать пленных в штаб дивизии. Только где он, этот штаб? Пошли просекой, вышли к дороге. Только перешли ее, слышат — моторы рокочут, мотоциклы. Немецкие. Переглянулись с бойцами: что они вчетвером против сорока, если кинутся на них немцы? Самим в плен сдаваться? Немодно это тогда было. Так, не сговариваясь, и врезали вчетвером из автоматов... Всех положили в полминуты. А с дороги уже «шмайсеры» застрочили...

Из шестнадцати танков боеспособными оказалось только четыре. Погрузили в них остатки боеприпасов, перелили топливо. И двинулись на восток. Уверены были, что вот-вот встретят своих, и тогда снова — на запад, бить фашистов. А своих все не было...

По дороге разгромили штабную колонну немцев — автомашины, фургоны. Четыре танка разнесли ее в щепки. Слова «страшно» в своих рассказах отец не произнес ни разу, только однажды его словно передернуло: когда он как-то мельком бросил, что без стакана спирта невозможно счищать с брони кровавые ошметки человеческой плоти. Думаю, он имел в виду именно тот бой...

Вокруг горели наши села. В огне был и весь Сбараж, город, где танкисты надеялись влиться в какую-нибудь танковую часть. Там горели топливозаправочные баки.

Были и еще стычки. После одного из боев отец в их танковой группе оказался старшим. Он не раз вспоминал, как они прикрывали переправу кавалерийского корпуса. Четыре танка вышли к мосту по дороге на Фастов. Там их остановил солдат с флажком, старшего вызвал полковник-кавалерист. Задача была простая: занять позиции вдоль берега и не дать немцам воспрепятствовать переправе корпуса.

Целый день шли мимо по мосту танки, артиллерия, тысячи всадников. А когда сунулись фашистские мотоциклисты — закатанные рукава, губные гармошки, — их танкисты встретили огнем и отбросили.

А потом снова была речка. Двое суток танкисты прикрывали отход наших потрепанных подразделений. Отбили несколько атак легких немецких танков и мотопехоты. Незнакомый генерал, командир отступавшего соединения, вручил тогда отцу орден Красной Звезды, просто достал из полевой сумки и вручил. Без документов, без орденской книжки. Так уж было... Тогда и ранен был отец — осколок мины ударил по щиколотке. Кость уцелела, но крови было полный сапог.

Потом еще отца ранили под Киевом — пуля пробила мякоть руки, на вылет. Перетянули тогда бинтом потуже — и в танк. Тоже справкой не запасся... Позже, спустя десятилетия, ему так и не удалось доказать врачам, что эти ранения все-таки были

и что шрамы он не сам себе гвоздем расцарапал.

Не думалось тогда о бумажках. В то, что выживет, никто не верил. Не надеялись. Каждый знал, не сегодня-завтра... Но вот какая-то лихость, нам сейчас вроде бы и не понятная, была. Рассказывал отец, как они невесту его боевого товарища из сданного Киева вывезли.

Мосты уже взорваны были, оставался только понтонный. А у отцовского помпотеха воентехника второго ранга Талалаева невеста осталась в Киеве, Таня Бабий. Надо ж выручить даму сердца. Пошли два танка. Отец на своей машине сопровождал до моста, прикрывал. А Талалаев рванул в город. Как уж он там невесту отыскал, как в танке ее по опустевшему Киеву вез, можно только представить. Но спас и сам вернулся цел и невредим.

Однако конец у этой романтической истории плохой: его потом отдали под трибунал, мол, как это немцы тебя из захваченного города отпустили? И отец, как ни старался, ничем не смог ему помочь.

Бои, бои, бои... Отступление, отступление, отступление... отец иногда посмеивался: мол, тыщу раз смерть вот, в двух шагах была, а все-таки выжил.

Весной сорок второго года отца направили на переформировку, в Днепродзержинск. Почти месяц пробыл там в учебном полку. А потом поехал в Горький, за новыми танками. В два дня получили танки, сформировали эшелон, и он в скором времени тронулся к Сталинграду. Но отец в это время был уже в особом отделе.

Особист, щупленький лейтенант, начал официально: «Нам передали,

что вы безобразно обращаетесь с личным оружием. Ваш пистолет...» И руку протягивает. Достал отец свой ТТ, отдает. А особист тут же его в стол, и дальше уже о деле: «На вас поступил материал, что вы охаиваете Красную Армию и Советскую власть». Отец возмутился, только начал возражать, а особист тут же: «Тихо». И свидетелей приглашает...

Входят по очереди трое из их роты — сержант Дорошенко, старшина Волошенко и политрук Павлов. Все подтверждают: да, говорил лейтенант Бабаев, когда сводки Совинформбюро передавали, что, мол, танков немецких столько-то сожгли, самолетов столько-то сбили, фрицев столько-то положили, а два города сдали! Хреновина, мол, получается...

Старшина и сержант хоть глаза отводили, а политрук очень старался. Они с отцом на танцах девушку не поделили, отец танцевал хорошо, вот соперник и отомстил... Не удержался тогда отец, схватил со стола чернильный прибор — тяжелый, мраморный — и расколол его об голову подлеца. Так и потекли синие чернила пополам с кровью...

Скрутили, конечно. Особист время не тянул, только спросил, признает ли отец вину. Нет? Ладно, дал подписать бумагу. Отец написал поперек листа, что никакой вины за собой не признает.

Уже в Горьковской тюрьме через пару дней ему как бы мимоходом сообщили, что отмерила ему военная коллегия десять лет исправительно-трудовых лагерей, пять лет поражения в правах и пять лет проживания подальше от крупных городов. Не

поверил. Там, в Горьковской тюрьме, во всю стену углем нарисовал он бакинскую набережную — Девичью башню, бульвар, в море нефтяные вышки — и подписал: «Мой родной Баку». Согревали ему душу мысли о городе, в котором родился и вырос, теплом, дружелюбном, улыбчивом Баку, не верилось, что все случившееся — реальность. Мог ли тогда отец предположить, чем спустя почти полвека ответит ему родной город?..

Потом была камера на добрых три сотни заключенных, все в гимнастерках. Дальше — почти тысячная колонна протянулась по городу к вокзалу, при нескольких конвоирах, еще без собак. Женщины свободно передавали им хлеб, мужчины — курево, жалели... Бежать тогда сто раз можно было, и бежал бы, кабы знал, что впереди ждет... Но этого не знал никто. Надеялись, что вот попугают, а потом назад на фронт, хоть в штрафбат.

Только вышло иначе. Пригнали на вокзал, там передали железнодорожному конвою, позагоняли в телячьи вагоны. Что он пережил тогда? Что передумал? Об этом никогда не говорил. Там отец впервые познакомился с «колотушкой»: при подсчете заключенных били деревянными колотушками по головам, по плечам, куда попадут. Этот способ подсчета он потом не раз встречал на просторах ГУЛАГа.

Отвезли недалеко, в поселок Буреполом, под Горький. На лесоповал. Система была четкая: кормили и заставляли работать в такой пропорции, что больше двух-трех месяцев люди не выдерживали. Вырабо-

талась даже такая вот «лестница»: свеженькие — валили лес, пилили, как поубавилось силенки — ставят таскать бревна, сучья, когда уже на грани смерти — жги костры... А потом — все, амба. Прошел отец эту чертову «лестницу», все ее ступени пересчитал. Когда уже не мог стоять на ногах, отправили его в ОК (оздоровительная команда): горсть непроваренного пшена в сутки, которое организм отказывался переваривать, так все насквозь и выходило. А были, кто собирал это, промывал и снова ел. Люди, теряющие человеческий облик, ловили крыс и мышей, дрались за место у норки, где было больше шансов... И умирали, постоянно рядом была смерть. Ее там называли пилагрой, болезнь, от которой в лагере не было спасения.

Когда срок, отведенный на «оздоровление», истекал, умирающих все-таки старались выгнать на работу, колотили почем зря. Ну, а без надежных просто выбрасывали на зону, может, кто из сердобольных местных жителей подберет. А нет, тогда, значит, все...

За проволоку вытащили и отца. Сутки провалялся за зоной, на воле, и... никто его не подобрал. Но он не умер. На следующий день его снова вернули в барак. И тут повезло: лагерный врач — Глафира Николаевна... Этой женщине, — отец не раз говорил, — обязан он жизнью. Почему именно его пожалела она в этом краю смерти? Может, листая личные дела, обратила внимание на фотографию симпатичного лейтенанта-танкиста? Может, напомнил он ей кого-то родного? А может, любовь?..

Впрочем, какая любовь может быть к полутрупу, вытащенному с того света? Она незаметно подкармливала отца — котлеты, пирожки, за первый год заключения он позабыл, что это такое. Несколько раз, якобы надо починить что-то, брала его к себе домой, кормила, лечила. Не знаю, жива ли она сейчас, женщина-врач, оставшаяся в моих записках без фамилии, только имя и отчество — Глафира Николаевна. Низкий ей поклон от меня и братьев, от наших детей и внуков. Низкий поклон...

Но нашлись, как это обычно бывает, «зоркий глаз» и «длинное ухо», в лагере ничто хорошее не могло быть сколько-нибудь продолжительным: оказался отец в карцере. А это яма, метров пять глубиной, посреди двора. Поскольку конвоиры частенько «забывали» бросать туда пищу, то уже через неделю с нарушителем порядка хлопот больше не было. Может, там бы и оборвалась нить жизни Рафика Бабаева, но приехала в лагерь комиссия — отбирать заключенных на сплав. По баракам искали крепкий человеческий материал.

Отец услышал голоса наверху, стал кричать. Те подошли, смотрят, здоровый парень. Решили забрать, занесли в список. А дальше телячьим вагоном до самого Енисея...

«Лапа» — это камень, который удерживает штабель бревен, сложенный у самой воды. Выбьешь «лапу», покатаются бревна в реку, и их надо гнать по широкой бурной реке 40–50 километров до сортировочной. Под ногами ходят «живые» стволы, то нырнет, то вдруг выле-

зет из воды столбом, успевай только перескакивать с места на место. А не успел, значит, окажешься в воде, раздавит тебя, а после бревна сомкнутся над головой. Сколько народу туда ушло! Их никто не считал, стране нужен был лес.

А у сортировочной — мостки, боны, надо трехметровыми баграми рассортировать бревна и направить в неширокие проходы. Лихая работенка, не пыльная. Зато кормили хорошо, ослабевшему да оголодавшему с бревнами не совладать. Сезон отработал отец на лесосплаве, до морозов. А как стала река, повезли их поездом на восток.

Колыма... Индигирка... Нера... Совгавань... Магадан... Усть-Нера... Эти слова для отца стали не просто географическими названиями. Из Владивостока в Магадан везли морем. Отправились два парохода — большой, трехтрубный, белый и маленький, «Джурба». Отец попал на маленький. И только в Магадане через матросов узнали, что большой пароход, битком набитый заключенными, затонул...

Что это такое — несколько дней прожить в полутемном душном трюме, полном людей, большинство из которых не переносит качку — надо себе представить. Раз в день туда спускали бочку с пшеникой, кто мог, ел, черпали мисками, шапками, ладонями... Кто не мог — слабел.

И вообще, отец говорил, что самое трудное было — выжить в первые год-два. Потом все становилось привычным, человек обтирался, обминался, но чаще обламывался... Люди там делились на группы — блатные,

политики, вояки, а потом уже сама жизнь перераспределяла — воры в законе, фраера, суки, «машки»... И дружбы, обычной человеческой дружбы там не было, только необходимость выжить, отстоять себя, задавить другого сколачивала людей в социумы.

Отец никогда не вспоминал имен тех, с кем сидел. Лица, имена стирались из памяти. Так, пару раз он говорил про одного киргиза, блатного, старшего барака на Колыме. Отца тогда только привезли, втолкнули в барак. Ну, он к тому времени законы знал, потому мяться не стал, мешок забросил на нары и в кружок блатных, в карты играть. А там старший — этот киргиз, здоровый, как бык, усы длинные, тонкие, висят, как у Чингиз-хана. Потом выяснилось, ножи он метал великолепно — пять-шесть в ряд сажал...

«По фене ботал» отец тогда уже прилично, в карты играл хорошо, ведь еще в школе карточными фокусами увлекался, и за себя мог постоять, все-таки боксер. Познакомились, и киргиз этот поддержал отца, за своего посчитал, за блатного. И кличка тогда к отцу приклеилась «Черный барон». А блатной — это уже не политик, социально близкий, полегче жить стало. Вдвоем они весь барак держали крепко.

А потом опять пересылка, новый лагерь... Отец рассказывал, что усвоил за эти годы три правила: ничего не бойся, бей первым, и все умей. Вот это «все умей» не раз выручало его из беды. Кем только не пришлось ему быть в черные лагерные времена!

Понадобился писарь, стали спрашивать, у кого почерк хороший. Отец вызвался, а у него, действительно, почерк каллиграфический. Две недели прожил сытно и в тепле. Нужно было в клубе что-то нарисовать, тут же шаг вперед, могу. И правда, все сделал честь по чести.

Узнали по документам, что танкист, взяли водителем к начальнику пожарной охраны. А это значило еще месяц жизни, пока не пришел вольнонаемный. Потребовались хлебопеки, отец первым пошел. И ничего, пек, хотя прежде ни разу не пробовал. А у печи, это не в снегу... Заболел банщик, вызвался в банщики. За ночь ведрами бак натаскает, нагреет. А воды там по шайке на мужика, по две — на бабу. Особенно женщинам тяжело было, зверели просто от жизни такой, от грязи. Так он, чтобы не добрались до него, не разорвали, забирался наверх, где краны, а лестницу за собой поднимал. Так и спасался в этом жутком аду, полном паром, вшей, грязи...

А потом, когда война уже окончилась, объявили, что бульдозеристы требуются. Как обычно: «Что можешь?» — «Все могу». Ну, а тут ему, танкисту, сам бог велел. Так попал отец на золотой прииск Альчан: полторы тысячи зеков, две сотни человек охраны, полковник во главе. Но сначала работали без техники: одни лопатами достают породу, а добыча-то подземная, другие в тачках по норам этим отвозят ее к воде, третьи — промывают. Отец сначала копал, это считалось легче. Потом к тачке приставили, а высота коридора метр двадцать... Да норма

такая, что не разжиреешь на казенных харчах.

Только через несколько месяцев сел на бульдозер, тоже впервые в жизни. И ничего, сумел. Потом все оставшиеся от срока годы он на этом прииске проработал. На то золото, что отец мой державе добыл, наверняка не один дом, а целый район построить можно было бы. А умирал он в госпитале инвалидов войны — злая ирония судьбы! — бездомным, не имея своей крыши над головой...

Семь или восемь лет был стахановцем, нормы перекрывал, «пахал», не жалея себя. И выслужил: по ходатайству начальника прииска заключенный Р.А. Бабаев за ударный труд на благо нашей любимой Родины был освобожден на год раньше срока. Это был 1952 год...

О жестокостях, об ужасах, что видел он в лагерях, отец не любил говорить. Мельком, из отдельных реплик узнал я, что отец, например, видел, как проигравшийся в карты зек вошел в костер и стоял посреди него, объятый пламенем, и не вышел, пока не рухнул. Знал, что были случаи людоедства. И еще много такого, что выходит за пределы человеческого понимания. Отец говорил только, что там (это многозначительное — там!) человеческая жизнь ничего не стоила. Даже своя. Потому что хуже, чем на войне: выжить никто не надеялся.

Но он выжил. Случилось чудо, там, где сотни тысяч, миллионы исчезали бесследно, мой отец выжил. Он приехал в Баку, где все эти годы родители считали его погибшим, узнал, что младший брат его Борис «умер

от ран» под Севастополем еще в сорок четвертом...

Проживать в столице союзной республики ему не разрешалось, и он поехал в Кубу, небольшой городок на севере Азербайджана, устроился работать в МТС. Там они с мамой и познакомились. Работала она тогда в райкоме партии.

Когда они решили пожениться, маме недвусмысленно дали понять, что работнику райкома не пара репрессированный, вчерашний враг народа. Тогда она, недолго думая, написала письмо в ЦК, в Москву: «Неужели я, работник райкома партии, коммунист с десятилетним стажем, не смогу перевоспитать одного репрессированного? Грош цена тогда мне как коммунисту!». Такой, прямо скажем, дипломатичный ход возымел результат — Москва на официальном бланке дала «добро».

Дальше что... Обычная жизнь. Сняли комнатку с земляным полом, из ящиков отец сколотил мебель, провел свет, забил щели. Там и родился я. Потом, через несколько месяцев, нам разрешили переехать в Баку, и мы поселились у родителей отца, вшестером в одной комнатке.

Мама помогла отцу, когда время пришло, восстановиться в правах, добиться реабилитации, и мы зажили, как большинство советских людей. Только в шестьдесят шестом году отец получил свою квартиру, потом долго, по одному предмету, покупали обстановку, зарплата-то была шестьдесят, потом восемьдесят, потом сто двадцать... Не пошукешь.

Но все-таки жили не хуже людей. Как все. Поднялись сыновья: старший зажил своим домом, неподалеку от отца, я уехал учиться и после домой приезжал только в отпуск. Младший, отслужив срочную, вернулся к родителям. Все вроде бы шло нормально...

Отцу было уже под семьдесят, когда снова пришла беда — в январе 1990 года начались армянские погромы в Баку. Не хочу расписывать эти черные страницы истории нашей (и не только нашей) семьи, но что было, то было... В тот день, первый день погромов, отец как ни в чем не бывало пошел на работу. Город полнился страшными слухами, но он слухам никогда не верил и действительно ничего не боялся.

...Вернулся в тот день отец раньше обычного, мама подошла к нему, помогает снять пальто, а сама видит — у отца руки дрожат... Он своими глазами видел, как толпы, одетые в черное, громили квартиры, как с балкона последнего этажа пятиэтажного дома выбросили пожилого мужчину в пижаме, как толпа озверевших парней гнала перед трамваем совершенно голую женщину, трамвай прибавлял ход, но ей не давали сойти с рельсов...

Отца не били, с него только сорвали орденские планки: оказывается, не за тех воевал. Ему повезло, в нем не признали армянина. Когда потребовали паспорт, он... прикинулся глухонемым. Отстали. Выручил его богатый жизненный опыт.

Отца мы вывезли в тот же день, тогда же выехали и братья. В городе оставаться им было нельзя. Больше

отец в свой дом не вернулся, в свой родной Баку.

Беженцы... Мои родные — беженцы... Это не укладывается в голове, но это так. Мне стыдно признаться, что и я, почти пятнадцать лет проработав в прессе, перебравшись наконец в Москву, в центральную газету, своей квартиры так и не удостоился. Вот мы с отцом и ездили по столице да Подмосковью в поисках временного жилья, ночевали у знакомых или в гостинице, пока не сняли комнату...

Отец горько шутил: «Я намыл золото на десять домов, а мне одну квартиру дать не могут...». Отец не подавал виду, все старался шутить, поддерживал нас. Но представьте только, каково это на закате дней оказаться бездомным? Больше того, видеть, что беспризорными оказались все твои близкие, взрослые дети и их семьи?..

Я видел беженцев, работа такая. Я видел стариков с орденами и медалями на потертых пиджаках, потерявших в нашей стране дом и родину: бакинские армяне и ереванские азербайджанцы, турки-месхетинцы и осетины из Южной Осетии, и русские, русские отовсюду. Все они, независимо от национальности и места жительства, чем-то схожи между собой. Глядя на них, словно бы видишь себя самого спустя годы. Я слушал их горестные рассказы, их стариковские жалобы, и мне было больно: чем провинились они, за что

такая судьба? Но во сто крат больше мне было видеть, как отворачивается, пытаюсь скрыть слезы, мой неунывающий отец, когда по телевизору показывали Баку... Кто и когда ответит за все слезы наших стариков?

Знаю, никто и никогда...

И вот он умер. Сколько раз может человек начинать жизнь сначала? Война, лагеря, погромы... У отца в его семьдесят на это уже не хватило сил. В несколько месяцев он сгорел, буквально истаял как свеча... И вот сейчас, в год его 100-летнего юбилея, я хочу, чтобы вспомнили о нем...

Прости его, Родина, за то, что он впервые оставил тебя в трудный час. Так вышло. Он воевал за тебя, не жалея, проливал свою и чужую кровь, он перенес нечеловеческие муки по твоей воле и не затаил обиды, он всю жизнь, как проклятый, работал на тебя, а работать он умел, поверь мне... И вот — не хватило сил, у твоего солдата не хватило сил, чтобы и дальше служить тебе. Он ушел... Но он ушел без долгов, до конца отдав тебе все — силы, душу, жизнь. И даже больше. Ведь он оставил тебе нас, трех своих сыновей. И теперь, хотим мы или не хотим, наш черед проливать кровь за тебя, мучиться из-за тебя, работать ради тебя. И мы еще послужим тебе, наше неблагодарное Отечество.

Станислав Бабаев,
полковник

Маневры в тылу врага

В годы Великой Отечественной войны вместе с воинами Красной Армии самоотверженную борьбу с фашистскими захватчиками вели партизаны и подпольщики. Они внесли значительный вклад в победу над врагом. В числе тех, кто отважно сражался в рядах партизан, был и Петр Евсеевич Брайко (1919–2018). Он воевал в знаменитом соединении Сидора Ковпака, командовал различными подразделениями. В 1944 году был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. После войны служил на руководящих должностях во внутренних войсках НКВД (МВД) СССР, в отставку вышел в звании полковника. Нештатный корреспондент журнала Игорь Бысенков неоднократно встречался с прославленным партизаном и записал его воспоминания. Сегодня мы публикуем отрывок из воспоминаний Петра Евсеевича Брайко.

За время существования наше партизанское соединение неоднократно совершало рейды по тылам противника по территории Сумской, Волынской, Киевской областей на Украине, Курской, Орловской и Брянской — в России, Гомельской и Пинской — в Белоруссии.

Карпатский, крупнейший из них, самый сложный и опасный, начался в июне 1943 года. За 100 дней удалось преодолеть более 2000 километров по немецким тылам. Партизанам ставилось несколько задач: максимально нарушить работу коммуникаций противника, уничтожить захваченные им нефтяные промыслы в районе Борислава и Дрогобыча, дать бой фашистским прислужникам на оккупированной территории. Эта операция потом вошла в методические пособия и наставления по ведению партизанской войны.

Но этого мы даже представить не могли, когда отправлялись с севера Житомирщины, почти с границы между со-

ветскими Белоруссией и Украиной. Двигались ночью по малоизвестным дорогам, днем останавливались на отдых. Чтобы не выдать себя раньше времени, немецкие гарнизоны обходили без боя. Благополучно прошли Житомирскую область. В Ровенской столкнулись с вооруженными отрядами украинских националистов.

Мы готовились форсировать очередную речку и увидели на противоположном берегу вооруженных людей, которые заняли позиции в каменоломнях. Как выяснится позже — сотни две с винтовками, да и то не у всех. Это было одно из подразделений Украинской повстанческой армии (УПА — запрещена в РФ. — Ред.), которую создала Организация украинских националистов (ОУН — запрещена в РФ. — Ред.) с неофициального согласия оккупационных властей.

Я сам видел соответствующие документы. Их обнаружили в штабе крупного подразделения УПА, которое рас-

полагалось в одном из сел. В бумагах описывалось сотрудничество националистов с гестапо и немецкими властями, разработанные планы совместных операций. Там указывали конкретных людей и районы действий.

Армию формировали за счет местных жителей. Конечно, были и

обиженные советской властью, но большинство — обманутые националистической пропагандой или просто запуганные. Возглавляли армию члены ОУН, многие из которых к тому времени уже успели послужить у фашистов и принять участие в карательных операциях на оккупированных территориях.

Хотя «повстанцы» и приготовились обороняться, они, не зная, с кем столкнулись, явно нас боялись. Поэтому и согласились на переговоры. Правда, при этом вели себя крайне нагло и сразу потребовали сообщить, кто мы такие, куда идем. Мол, только после этого пропустят.

Естественно, остановить нас им бы и не удалось. Соединение Ковпака насчитывало более 1500 бойцов, большинство с автоматическим оружием. Была своя артиллерия: две 76- и пять 45-миллиметровых противотанковых пушек, несколько минометов различного калибра. А еще огромное количество боеприпасов и взрывчатки. Такой силой мы бы просто их смели, но, возможно, и привлекли бы нежелательное внимание немцев.

Пошли на хитрость. Пока командование договаривалось, я приказал роте своих ребят скрытно переправиться немного в стороне на лодках на другой берег и зайти в тыл националистам. Минут через тридцать наши парни в районе каменоломен сделали буквально три-

Сидор Ковпак и Семен Руднев

четыре очереди, и противостоявшее нам войско подняло руки и сдалось.

Как командир одного из батальонов я присутствовал на допросе пленных. Обычные местные крестьяне, которых главари националистического движения с помощью очень серьезной пропаганды поставили под ружье и попытались натравить на партизан, которые больше чем наполовину состояли из таких же украинцев. Сидор Ковпак по горячности хотел их тут же расстрелять. Но его заместитель комиссар соединения Семен Руднев был категорически против.

Надо отметить, что Сидор Артемьевич согласился. Руднев обладал даром политика, умел отстаивать свою точку зрения. Поэтому трудно было в чем-то ему возражать.

Националисты не только беспрепятственно нас пропустили, но и, насколько знаю, сложили оружие и разошлись по домам.

По территории Тернопольской области мы продвигались к предгорьям Карпат. Мой батальон расположился на дневку в небольшом лесочке. Почти

рассвело. Смотрю, а сюда же с севера заходит колонна каких-то людей. Направил им навстречу отделение разведчиков. Они рассредоточились и встретили колонну огнем из автоматов. Стреляли специально выше голов. Нескольких очередей оказалось достаточно, чтобы неизвестные сложили оружие и сдались. Это снова оказались украинские националисты под командованием известного главаря в чине «полковника» (воинские звания они присваивали себе сами).

Серьезную «птицу» сразу отправил под конвоем разведчиков в штаб соединения. Семен Руднев допрашивал пленного весь день. «Полковник» оказался довольно сговорчивым, да иного выхода у него не оставалось, иначе к стенке могли поставить. Он обещал, что подчиненные ему отряды не станут нам мешать. Так он выторговал себе жизнь. Надо отдать должное, слово сдержал: более 200 километров пути от райцентра Вышневец (севернее Тернополя) до городка Яремча (сейчас — Ивано-Франковской, тогда — Станиславской области) с националистами не сталкивались. Это была очередная политическая победа Руднева.

Не мешали они и выполнить важнейшее задание советского военного командования — парализовать работу станции Тернополь. Через нее проходит железнодорожная ветка Львов — Винница — Киев, а оттуда рукой подать до Курской дуги. По дороге немцы гнали в район будущей битвы новейшие танки — «тигры» и «пантеры». Были дни, когда на восток проходило до полусотни эшелонов, в западном направлении движение поездов почти прекратилось. При этом фашисты практически не ох-

раняли коммуникации, в отличие от соседней Белоруссии, где партизаны уже несколько месяцев успешно вели «рельсовую» войну.

На западе же Украины советских партизан практически не было. Здесь представители Организации украинских националистов активно работали с местным населением. С весны 1943 года руководство ОУН совместно с немецким командованием полным ходом занималось формированием и комплектованием стрелковой дивизии СС «Галиция» («Галичина»). Кандидатами в нее записались десятки тысяч жителей Львова и области, одурманенных националистической пропагандой.

Конечно, в местных лесах скрывались вооруженные группы УПА. Но их формировали по инициативе лидеров все той же ОУН. Поэтому «повстанцы» находились под неофициальным кон-

Партизаны в походе

тролем фашистов и даже не помышляли как-либо вредить своим хозяевам.

Среди местного сельского населения было много недовольных немецкой оккупацией. Готовые сопротивляться, некоторые из этих людей уходили в леса. Для их объединения и организации партизанского движения советское военное

командование периодически направляло на запад Украины небольшие диверсионные группы. Например, таким образом был сформирован отряд «Победители» под командованием полковника Дмитрия Медведева (впоследствии Героя Советского Союза. — *Прим. ред.*). Он успешно сражался с фашистами и националистами на территории Ровенской и Львовской областей, в его составе воевал знаменитый разведчик Николай Кузнецов.

Знали о недовольных и националисты. Поэтому, чтобы не создавать хлопот оккупантам, они формировали подразделения УПА, в которые различными способами заманивали местное население. Одним обещали участие в сопротивлении немцам, других одурманивали пропагандой о борьбе за независимость Украины, а большинство попросту запугивали расправой с ними самими или их семьями.

Так что оккупанты чувствовали себя здесь довольно комфортно и позволяли некоторые послабления в систе-

Партизаны готовят подрыв моста

ме охраны коммуникаций. На вторые сутки после начала Курской битвы, в ночь на 7 июля, мы взорвали два железнодорожных моста. Несколько десятков эшелонов с военными грузами были остановлены на несколько недель.

Пока немцы выясняли, кто отважился на такое, мы уже приближались к Карпатам, где не встретили ни одного бандеровца. Там продолжили операцию — начали уничтожать нефтяные разработки.

Фашисты быстро поняли, что в Карпаты зашли большие силы партизан. Они в срочном порядке перебросили с фронта в полном составе 8-ю кавалерийскую дивизию СС «Флориан Гайер» — с задачей уничтожить «советскую банду» в местах ее возможного появления.

В начале августа немцам удалось окружить нас. Чтобы спастись, пришлось применить «звездный маневр», так его назвал еще Денис Давыдов. В ночь на 9 августа соединение разде-

лили на шесть отрядов, которые без единого выстрела вышли из кольца в разные направления. На следующий день немцы начали прочесывать лес, но он уже опустел.

На дороге по пути выхода нашей группы расположилась немецкая автомобильная колонна. Конечно, в темноте мы могли их атаковать. Используя фактор неожиданности, наверняка бы прорвались, но и наши потери оказались бы серьезными. Тем более пришлось бы еще и отрываться от преследования. Требовался другой план. Поэтому направили очень толкового разведчика Сашу Берсенева разузнать, чем занят противник.

Вскоре он доложил, что расстояние между машинами три-четыре шага, почти все немцы спят, а вдоль техники ходят только несколько патрульных. Тогда отправились на разведку вместе. По пути определили, за какое время можно добежать от лесочка до дороги. Потом полежали в кювете и засекли, что около 20 минут патрульные идут от головы до хвоста колонны. Этого хватало бойцам нашего взвода, чтобы незамеченными перебежать через дорогу между машинами. За несколько заходов группа и выскользнула из ловушки.

Каждый отряд соединения следовал в северном направлении по отдельному маршруту по общему фронту 150 километров. Например, нашей группе удалось довольно быстро оторваться от немцев и потом уклоняться от открытых столкновений с ними.

Очень помогали местные жители, насколько возможно в условиях оккупации. Делились последним куском хлеба и последним стаканом молока.

Немцы об этом знали, поэтому буквально за пару дней угнали у крестьян практически весь скот. Пришлось нам несколько суток питаться ягодами, грибами и вообще всем съестным, что находили в лесу. Было тяжело, однако все выжили.

Когда спустились в предгорья, вспомнили о себе подразделения УПА. Зная, что мы разделились, они пытались нападать на нас во время дневок либо ночью на марше. Выглядело это примерно так: «повстанцы» успевали сделать несколько выстрелов из винтовок по нам, но после первых ответных очередей ретировались. В тех стычках мы не потеряли ни одного бойца. Зато противника «пощипали».

Через день после очередного ночного нападения наши ребята задержали нескольких вооруженных националистов-курьеров. У каждого при себе была записочка — свернутый листочек папиросной бумаги приблизительно в пару пальцев шириной, а на ней текст: «В районе появилась партизанка Ковпака. В бой не вступать. Оружие спрятать» (текст и орфография документа сохранены. — *Прим. ред.*). Они признались, что вчера обстрелявшая нас группа потеряла пять человек убитыми, а в записках — приказ командования УПА этого района подчиненным подразделениям.

Остановить нас или даже более-менее серьезно нам противостоять националисты не рисковали. Но с особым остервенением отыгрывались на своих же земляках. Жители местных деревень, как и в горных районах, очень нас поддерживали, бывало, даже встречали с хлебом и солью. Кормили, поили и помогали, чем мог-

Ковпаковцы преодолевают водную преграду

ли. Иногда продукты мы покупали — у нас были немецкие марки. Поэтому на нас обид никаких не было.

Однажды ночью мы проходили мимо села, и наши разведчики постучались в крайнюю хату, чтобы уточнить дорогу. Хозяин вышел, ответил на вопросы — минутный разговор. Позже узнали, что утром в село зашла сотня службы безопасности УПА. Эти головорезы не считались ни с кем и ни с чем. Им разрешалось при малейшем подозрении растерзать даже любого участника повстанческой армии. Они без-

жалостно убили хозяина того дома и всю его семью, сожгли все постройки...

Карпатский рейд завершился в октябре 1943 года. По разным оценкам, нами было уничтожено от 13 до 17 фашистских гарнизонов, пущено под откос 19 эшелонов, взорвано 10 нефтяных вышек, 13 нефтехранилищ с 2290 тоннами нефти, три нефтеперегонных завода, один нефтепровод. Уничтожено от трех до пяти тысяч немецких солдат и офицеров.

Записал Игорь Бысенков

Общественная приемная
журнала «Человек и закон»

Вправе ли скорая помощь с включенным маячком не останавливаться на красный цвет?

А. Волычев, г. Благовещенск

Не оценивая конкретную ситуацию, отметим следующее. Водители автомашин, имеющие специальные сигналы в виде проблесковых маячков синего цвета и «вооруженные» специальным звуковым сигналом, имеют право пользоваться ими только при выполнении неотложных служебных заданий, включая перевозку больных в больницу. Такое их право предусмотрено пунктами 3.1, 6.13 Правил дорожного движения. Однако этим правом можно пользоваться лишь при условии обеспечения безопасности движения. За игнорирование этого требования виновные привлекаются к ответственности, несмотря на попытки сослаться на свой «особый» статус.

Такое отношение к нарушителям Правил дорожного движения, разъезжающим с включенными маячками, где надо и где не надо, подтверждается судебной практикой. Так, например, в минувшем году второй кассационный суд поставил последнюю точку на следующем автодорожном происшествии. Суть дела была такова. Водитель «скорой помощи» с включенным синим маячком проехал на красный свет светофора по пешеходному переходу и сбил девушку, которая проходила по нему, как положено, на зеленый цвет. Девушка поднялась и самостоятельно добежала до своего дома, а оттуда мать отвезла ее в травмпункт. Врачи поставили диагноз пострадавшей — причинение средней тяжести вреда здоровью и сообщили о ДТП в ГИБДД.

В связи с тем, что у перехода была установлена видеочамера, виновно-

Фотобанк Лори

го в наезде на девушку водителя скорой помощи нашли быстро. Он пояснил, что ехал на машине с включенным маячком, а девушка не уступила ему дорогу, а потом сама поднялась с дороги и убежала. Поэтому он тоже уехал, не вызывая полицейских.

Суд первой инстанции решил, что водитель нарушил Правила дорожного движения и оштрафовал его на основании статьи 12.24 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Эта статья предусматривает ответственность за нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. Если такое нарушение повлекло причинение легкого вреда здоровью потерпевшего, то виновных наказывают штрафом в размере от двух тысяч пятисот до пяти тысяч рублей. В качестве меры наказания, их могут лишить права управления транспортным средством на срок от одного года до полутора лет.

Если же такими действиями причинен вред здоровью средней тяжести, то наказание более строгое — штраф от десяти до двадцати пяти тысяч рублей. В таких случаях виновный может быть также лишен права управлять транспортным средством на срок от полутора до двух лет.

Рассмотрев жалобу водителя, второй кассационный суд в указанном случае оставил в силе решение нижестоящего суда, а жалобу оштрафованного водителя — без удовлетворения. Таким способом в очередной раз суды подтвердили, что пользоваться спец-

сигналами можно, если водители таких машин во время езды обеспечивают безопасность других участников дороги.

Все ли нажитое во время брака имущество делится в случае распада семьи?

Л. Суркина, г. Уфа

Ответ на данный вопрос содержится в Семейном кодексе РФ. В статье 34 записано, какое нажитое в браке имущество является совместной собственностью супругов. К их общему имуществу, к примеру, относятся заработная плата и доходы от предпринимательской деятельности, а также ценные бумаги, вклады в банках и другие ценности, движимые и недвижимые вещи, купленные за счет общих доходов. При этом не имеет значения, на чье имя оформлена приобретенная вещь или ценная бумага и кто платил за них деньги.

К такому имуществу относится имущество, принадлежащее каждому из супругов до вступления в брак. Таковым является также имущество, которое один из супругов получил во время семейной жизни в дар, по наследству и другим безвозмездным гражданско-правовым сделкам. Не подлежат разделу вещи индивидуального пользования — одежда, обувь и т.п., но будут делить драгоценности и другие предметы роскоши, приобретенные в период брака.

Не делится между разведенными и имущество хотя и приобретенное во время брака, но купленное на личные деньги супруга, которые при-

надлежали ему до вступления в брак. Такие особенности сохранения за каждым из разведенных их личного имущества подтверждается и судебной практикой. В то же время, если в такое имущество (например, квартира) были вложены средства в период брака, увеличивающие его стоимость, например, после ремонта, то это имущество будет признано совместной собственностью.

Всегда ли за прогул нужно увольнять прогульщика?

Р. Баборин, г. Орел

Согласно позиции Верховного Суда РФ увольнение — крайняя мера дисциплинарного воздействия на работника. Эта позиция в полной мере соответствует закрепленному в статье 192 Трудового кодекса РФ положению о том, что при наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен. Этот законодатель-

ный постулат не был учтен одним из районных судов города Москвы, при рассмотрении иска гражданки Л-вой. Она не вышла на работу из-за того, что ее малолетний племянник во время дворовой игры получил серьезную травму. Так как матери ребенка не было дома, ей пришлось везти мальчика сначала в травмпункт, а потом в больницу. В связи с невозможностью выйти при таких обстоятельствах на работу она попросила свою сменщицу подменить ее, а начальнику предприятия послала СМС-сообщение о своем невыходе на работу.

Несмотря на такие меры, женщину уволили за прогул. Районный суд решил, что работодатель не нарушил трудовое законодательство и отказал истице в восстановлении на работе. Московский городской суд при рассмотрении жалобы на это решение отказал жалобщице. А вот Верховный Суд РФ отметил, что при рассмотрении иска уволенной с работы Л-овой не были учтены требования законодателя о применении мер дисциплинарного наказания работника с уче-

Фотобанк Лори

том всех обстоятельств, при которых был совершен проступок. При этом Верховный Суд РФ указал, что, увольняя работницу за прогул, руководитель предприятия не учел ни тяжесть совершенного проступка, ни принятые работницей меры по обеспечению непрерывности работы на участке, где она трудилась. Кроме того, из материалов дела не усматривалось, что работодатель представил доказательства, которые подтверждали бы законность и необходимость применения самого строгого наказания к работнице, не дал характеристику ее отношения к исполнению своих служебных обязанностей.

Заметим, что обязанность представлять такие доказательства возложена на работодателей в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2. В связи с этим Верховный Суд РФ признал неправомерным вывод районного суда, который лег в основу его решение о законности увольнения Л-овой. «Упрекнул» Верховный Суд РФ нижестоящие суды и за то, что они не изучили возможность применения работодателем менее строгого дисциплинарного взыскания к Л-вой. При новом рассмотрении иска Л-вой позиция Верховного Суда РФ была учтена в полной мере.

Таким образом, данный случай, да и ему подобные случаи свидетельствуют о том, что, когда работник не вышел на работу, нельзя сразу же расторгать с ним трудовой договор. Да, за прогул можно уволить работника, но такое наказание должно быть соразмерным его действиям, ставшим причиной невыхода на работу. Если

такой соразмерности нет, прогульщика, пожалуй, восстановят на работе в судебном порядке. Следовательно, работодатель получит удар по своему престижу и понесет материальный ущерб, так как придется выплатить денежную компенсацию за вынужденный прогул незаконно уволенному работнику.

Всегда ли нужно заключать договор хранения в письменном виде?

М. Волков, г. Ковров

Нет, не всегда. Верховный Суд РФ считает, что согласно статье 887 Гражданского кодекса РФ письменный договор хранения должен заключаться в случаях, предусмотренных статьей 161 этого Кодекса. К таковым случаям относятся сделки между юридическими лицами, между ними и гражданами, а также сделки граждан между собой на сумму, превышающую десять тысяч рублей.

Простая письменная форма договора признается соблюденной, когда принятие на хранение вещи подтверждается хранителем. Несоблюдение такой формы не лишает спорщиков права предъявлять иные доказательства, свидетельствующие о том, что вещь находилась на хранении у ответчика. В случае отсутствия письменного договора, согласно статье 162 Гражданского кодекса РФ, стороны могут приводить иные доказательства в свою пользу. Верховный Суд РФ сделал вывод о том, что если законом не предусмотрена прямая обязанность сторон заключить письменный договор, то это лишь ограни-

чивает доказательную базу в случае возникновения спора. Это означает, что допустимы иные доказательства, которые суд должен оценить при рассмотрении иска к ответчику. При этом устное согласие владельца хранилища предоставить место для хранения какой-либо вещи, равносильно письменному договору.

Есть ли правовое определение понятия «самовольная постройка»?

Р. Ромакина, г. Клин

Да, есть. Понятие «самовольная постройка» закреплено в статье 222 Гражданского кодекса РФ. Таковой является здание, сооружение или другое строение, возведенное, созданное на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта. К самовольным постройкам относятся и возведенные, созданные без получения на это необходимых разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил. Гражданин, осуществивший самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности. Более того, он не вправе распоряжаться постройкой — продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать другие сделки. При этом самовольная постройка подлежит сносу лицом, построившим ее за его счет.

В то же время право собственности на самовольную постройку может быть признано судом за лицом в собственности, пожизненном насле-

дуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании, если в его собственности находится земельный участок, на котором возведена постройка. Однако для получения этого статуса необходимо одновременное соблюдение следующих условий:

лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие ее строительство на земельном участке;

в день обращения в суд постройка должна соответствовать установленным требованиям;

сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан.

В случае если лицо, осуществившее самовольную постройку, не было выявлено, решение о сносе самовольной постройки принимает орган местного самоуправления. Он же обеспечивает его снос, но не ранее чем по истечении двух месяцев после дня размещения на официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сообщения о планируемом сносе такой постройки.

Какова ответственность за незаконное предпринимательство?

Н. Акулин, г. Белгород

Под предпринимательством понимается экономическая деятельность, направленная на постоянное получение прибыли от выполняемой работы. Ее результатом являются продукция, блага, услуги, предназначенные для удовлетворения потребностей людей. При этом они должны быть надлежащего качества и соответ-

ствовать установленным государством требованиям. За нарушение таких требований установлена уголовная ответственность за незаконное предпринимательство. Согласно статье 171 Уголовного кодекса РФ незаконной является предпринимательская деятельность без регистрации или без лицензии, в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству. Под крупным ущербом в данном случае понимается доход, превышающий 2 250 000 рублей.

Виновные в осуществлении незаконного предпринимательства наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей, либо арестом на срок до шести месяцев.

Подобное деяние, совершенное организованной группой, влечет более строгую ответственность — штраф до пятисот тысяч рублей, либо принуди-

тельные работы или лишение свободы на срок до пяти лет. Незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, начиная от 9 000 000 рублей, наказывается еще строже.

Можно ли продать квартиру, купленную в складчину?

О. Мотылев, г. Королев

Проще всего это сделать, когда есть согласие всех собственников такой квартиры. Такая квартира находится в долевой собственности всех ее покупателей. Каждому из них принадлежит ее доля. Под долей понимается часть имущественных прав на объект недвижимости, который находится в общей собственности. В статье 246 Гражданского кодекса РФ установлено, что распоряжение имуществом, в том числе и

квартирой, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее покупателей. Так, если один из них захочет прописать в квартире кого-либо из совершеннолетних членов своей семьи, то можно будет сделать только с согласия остальных собственников.

Особенности продажи таких квартир определены в статье 250 Гражданского кодекса РФ. У собственников есть преимущественное право покупки доли квартиры лица, который хочет избавиться от своей доли. Причем продавец обязан письменно сообщить другим сособственникам о намерении продать свою долю другому лицу, указав стоимость продаваемой доли и другие условия продажи. Лишь когда они откажутся купить долю сособственника квартиры, продавец может продать свою долю любому лицу. Ответ сособственники должны дать в течение одного месяца. Однако если продается доля движимого имущества (к примеру, автомобиль), то срок сокращается до десяти дней. Уступка преимущественного права покупки доли не допускается. Споры по вопросам продажи долей купленной в складчину квартиры решаются в судах.

Обратилась в банк за кредитом. Сказали, что дадут деньги, если я заключу договор страхования жизни. Законно ли такое требование?

Л. Причина, г. Тула

Банк не вправе выдвигать дополнительные условия как основание для заключения кредитного догово-

ра. Если же вам навязали такие условия, то вы вправе направить страховщику заявление об отказе от договора. Правила страхования допускают его расторжение по инициативе страхователя. Спор между страхователем и страховщиком не является основанием для задержки заключения и реализации кредитного договора. Позиция Верховного Суда РФ по этому вопросу сводится к выводу о том, что обязательное досудебное урегулирование спора нарушает права гражданина. Эта его позиция основывается на статьях 168, 421, 422 и 943 Гражданского кодекса РФ, а также на Законе «О защите прав потребителя».

Условия, на которых заключается договор страхования, закреплены в соответствующих стандартных правилах страхования. Такие правила одобряются или утверждаются страховщиком или объединением страховщиков.

Статьей 421 ГК РФ понуждение к заключению договора не допускается, в его статье 422 говорится, что договор должен соответствовать обязательным для сторон нормативно установленным правилам, действующим в момент его заключения. В статье 943 ГК РФ записано, что согласно статье 16 названного Закона условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными. На кредитные договоры распространяется это законодательное правило.

Обязательно ли включение в кредитный договор требования о залоге?

Л. Крячкова, г. Дубна

По общему правилу, гражданско-правовой договор — это добровольное соглашение сторон такого договора. Следовательно, если одну из сторон условия договора не устраивают, то он вправе отказаться от его заключения. Что касается кредитных договоров и договоров о займе денег между гражданами, то они обеспечиваются залогом. Предметом залога может быть любое имущество, в том числе и имущественные права. Однако из этого правила есть исключения. Предметом залога не могут быть требования об алиментах, о возмещении ущерба, причиненного жизни или здоровью, и иные имущественные требования, уступка которых другому лицу запрещена. При этом и кредитор, и должник должны учитывать порядок возможной реализации заложенного имущества или имущественного права в случае несвоевременного погашения долга. Так, например, в судебной практике был случай, когда должница в качестве залога представила наследуемую квартиру. Когда кредитор обратился в судебные инстанции за обеспечением договора о возврате денег, краевой суд удовлетворил его иск и передал ему в собственность эту квартиру. А вот Верховный Суд РФ отменил это решение, так как обращение на взыскание квартиры осуществляется только путем ее продажи с публичных торгов с определением начальной продажной цены.

В то же время если иное не предусмотрено договором, то залог чаще всего обеспечивается определением размера процентов от суммы выданных в долг денег.

Кредитный договор, как и договор между гражданами о выдаче в долг денег, заключается в письменной форме. В нем определяется как размер кредита (долга), так и сроки исполнения договорных обязательств. Если предметом залога является имущество, то в договоре указывается стоимость предмета залога, а также у какой стороны будет находиться заложенное имущество. При этом сам должник может быть залогодержателем.

Что такое электронная трудовая книжка?

Р. Сатиров, г. Калининград

Понятие «электронная трудовая книжка» используется средствами массовой информации. Юридического значения это понятие не имеет. В Трудовой кодекс РФ Федеральным законом от 16 декабря 2019 года № 439-ФЗ введено понятие «сведения о трудовой деятельности». Этим законом Трудовой кодекс РФ дополнен статьей 66¹, которая так и называется «Сведения о трудовой деятельности». Согласно данной статье теперь работодатель будет формировать в электронном виде основную информацию о трудовом стаже работника. Конкретно к таким сведениям относится информация о работнике, месте его работы, его трудовой функции, переводах на другую постоянную работу, об

увольнении работника с указанием основания и причины прекращения трудового договора. Законодательством может быть расширен перечень информации о работнике для включения в сведения о трудовой деятельности в электронном виде.

Следует иметь в виду, что введение нового порядка учета сведений о работнике не повлекло за собой отмену бумажных трудовых книжек, которые хранятся у работодателей. Работникам дано право самим решить вопрос о переходе на новую систему учета сведений о его трудовой деятельности или продолжать пользоваться бумажной трудовой книжкой. Кстати, срок ее действия не ограничен.

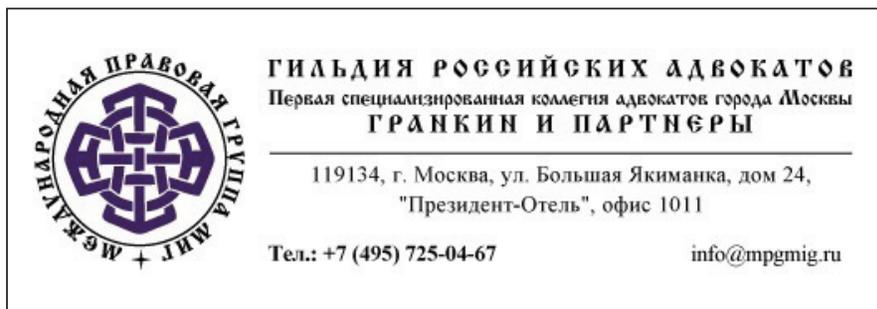
До 1 июля 2020 года работодатели должны уведомить работника в письменной форме об изменении формы ведения учета его трудовой деятельности. Работник же, в свою очередь, должен сделать свой выбор о форме ведения учета сведений о своей его трудовой деятельности до 31 декабря 2020 года и письменно подтвердить его заявлением. Такое заявление подается работодателю. Если работник этого не сделает, то работодатель будет вести его бумажную трудовую книжку в соответствии со статьей 66 Трудового кодекса РФ.

Такое заявление подается работодателю. Если работник этого не сделает, то работодатель будет вести его бумажную трудовую книжку в соответствии со статьей 66 Трудового кодекса РФ. Работникам, согласившимся перейти на новую систему учета сведений о трудовой деятельности, работодатель выдаст трудовую книжку под расписку и освобождает себя от ответственности за ее ведение и хранение.

Если в указанный срок работник не решит вопрос о порядке ведения своего трудового досье, то он может написать соответствующее заявление и позднее.

Бумажные трудовые книжки со временем уйдут в историю. В Федеральном законе от 16 декабря 2019 года № 439-ФЗ установлено, что формирование сведений о трудовой деятельности лиц, впервые поступивших на работу после 31 декабря 2020 года, будут вестись по новому порядку, закрепленному в статье 66¹ Трудового кодекса РФ. При этом бумажные трудовые книжки на этих лиц оформляться не будут.

На вопросы читателей отвечали
Максим Гранкин и Антон Чайка

Ведущий рубрики — кандидат исторических наук Алексей Манаев

Там, подо Ржевом

Однажды, странствуя по просторам Интернета, натолкнулся на фотографию скульптуры. Взглянув, пошел странствовать дальше в поисках любопытных сюжетов, но вновь и вновь возвращался к находке. Каждый раз создавалось ощущение, что что-то недоглядел, не заметил, упустил. Каждый раз царапало, цепляло за душу, приводило ее в трепет. А когда выяснилось, что это фотография Мемориального комплекса советскому солдату, возводимого по проекту скульптора Андрея Коробцова подо Ржевом, трепетное чувство усилилось.

Возможно, я предвзят: скульптор Андрей Коробцов земляк. Родился, правда, в 1987 году в Казахстане, но «сознательное» детство приходится на Белгородчину, на Губкин, куда семья переехала в постсоветские времена. Губкин — город, в котором властвует горняцкая кровь. В этой среде, хорошо знающей, что такое тяжелый физический труд, преклоняющейся перед мужской силой и отнюдь не относящейся к насущным потребностям, и сформировался скульптор Коробцов.

Сформировался, пожалуй, не то слово. Скорее, обнаружил задатки. С детства лепил натуру из всех подручных материалов: пластилина, снега, глины. Лепил все: зверей, птиц, деревья, цветы, здания. И выходили они притягательно непосредственными, с такими подробностями и деталями, ко-

торые придавали лепке естественность, натуральность, объемность. В лицее, куда ходил, заметили эту увлеченность, как и отсутствие всякого интереса к алгебре, геометрии и другим точным наукам. Заметив, посоветовали родителям определить юного ваятеля в местную художественную школу. Была преодолена еще одна ступенька к редкой для города профессии.

На следующую ступил не сразу: и сомнения терзали душу, и первая попытка поступить в Академию живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова закончилась неудачно. Пришлось брать недосыгаемую, казалось бы, высоту во второй раз, представ пред ясны очи самого Глазунова. В академию Коробцов был зачислен — без обычной в таких случаях оплаты за учебу. Мастер ценил дарования высоко, лично искал талантливых молодых людей и выходцам из семей небогатых делал исключения. Андрей не подвел наставника, использовав все, что было доступно, а порой и не очень, чтобы самому стать мастером. Таковы истоки моей предвзятости.

Но дело вовсе не во мне. С инициативой создания в Тверской области Ржевского мемориального комплекса советскому солдату выступили ветераны. Она была поддержана на государственном и общественном уровнях. В конкурсе на лучший проект участвовали почти два десятка вая-

телей, часть из которых уже получала дивиденды за работы в виде грантов, авторитета, солидных званий. Жюри решило, что комплекс будет создан на основе предложений Коробцова и его коллеги архитектора Андрея Фомина. Молодые ваятели обошли даже самого председателя Союза художников России, московского скульптора Андрея Ковальчука, занявшего второе место. Получается, и именитое жюри «царапнуло».

Пытаюсь чувства «положить» на логику, на арифметику жизни. И становится ясно, что особенность композиции обусловлена тщательно взвешенными особенностями Ржевского сражения. В районе Ржева, примерно в 150 километрах от Москвы, после зимнего наступления Красной Армии образовался аппендикс, неприятный для противоборствующих сторон. Немцы при удаче в считанные часы могли превратить выступ в удавку для столицы, окружив ее. А наши войска при удаче накинута бы петлю на большую фашистскую группировку. Поэтому и те и другие были начеку, и те и другие с января 1942 по апрель 1943 года с большим упорством отстаивали позиции.

Военный корреспондент Илья Эренбург вспоминал: «Мне не удалось побывать у Сталинграда... Но Ржева я не забуду. Может быть, были наступления, стоившие больше человеческих жизней, но не было, кажется, другого столь печального — неделями шли бои за пять-шесть обломанных деревьев, за стенку разбитого дома да крохотный бугорок... Наши заняли аэродром, а военный городок был в руках немцев... В штабах лежа-

ли карты с квадратами города, но порой от улиц не было следа... Несколько раз я слышал немецкие песни, отдельные слова — враги копошились в таких же окопах...».

Подо Ржевом Высоцкий не был, но кажется мне, что боевыми действиями под городом рождены его трепещущие строки:

Как разрезы траншеи легли,
И воронки — как раны, зияют.
Обнаженные нервы Земли
Неземное страдание знают.

Были у нас и локальные успехи. Во время первой Ржевско-Сычевской операции советские войска продвинулись на запад на 40–45 километров, освободили три районных центра, оттянули силы противника с других направлений и в сентябре 1942 года сумели ворваться в Ржев, однако немцам удалось вернуть город себе. В постсоветские времена доморощенные стратеги, фигурально скажем, носящие погоны либералов и зачастую ни дня в армии не служившие, считают, что это была игра, мягко говоря, в одни ворота. Били, естественно, нас. И виноваты в этом избиении, разумеется, наши полководцы, которые щедро расплачивались десятками, сотнями тысяч жизней солдат за стратегические и тактические просчеты, за никуда не годное материально-техническое обеспечение, за нехватку снарядов, бомб, а порой — даже винтовок. То есть нас били просто потому, что мы — лохи. Другие варианты не рассматриваются.

У Красной Армии действительно не хватало всего — самолетов, танков, артиллерии, средств связи, транспорта. Не злой умысел тому виной, не

Скульптор Андрей Коробцов

«лоховая» недалёковидность. Эвакуированные на восток предприятия, в экстремальных условиях налаживая производство, объективно не могли обеспечить фронт всем необходимым в полной мере. Приходилось воевать тем, что есть. Приходилось считаться с тем, как складывалась международная ситуация. А те, кто ее «складывал», думали отнюдь не о том, чтобы быстрее прийти на помощь СССР.

Сейчас «доблестное» руководство Польши всю честит Красную Армию: не так-де воевала. А вот как воевали наши «вечные братья» — поляки. В соответствии с соглашением между польским эмигрантским правительством и СССР в августе 1941 года на нашей территории началось формирование армии Андерса. Комплектовали ее бывшими польскими военнопленными, взятыми в плен во

время освободительного похода Красной Армии на Западную Украину и Западную Белоруссию в сентябре 1939 года. Командиром этого воинского соединения был генерал Владислав Андерс. Отсюда и название армии.

Наша страна отвечала за оснащение и обеспечение поляков, выделив на эти цели более 187 миллионов рублей, которые польское эмигрантское правительство обязалось вернуть. Сумма огромная. Она позволяла оснастить полноценную танковую армию в тысячу боевых машин. Для сравнения: во время решающих боев на Ржевском выступе летом-осенью 1942 года Западный и Калининский фронты РККА имели в своем составе 1700 танков. В этих боях и предполагалось использовать армию Андерса, которая к тому времени должна была насчитывать 96 тысяч солдат и офи-

церов. Рассчитывая на поляков, советские войска перешли в наступление, существенно потеснили немцев и даже на время заняли Ржев. Подойди поляки на помощь, и исход сражения был бы предreshен, а Германия потерпела бы сокрушительное поражение уже в 1942 году. Но вместо этого армия Андерса эвакуировалась подальше от военных действий — к англичанам на Ближний Восток. Вот почему немцам тогда удалось отбить Ржев. Мало того, поляки отказались от гарантий погасить задолженность перед СССР, создав финансовые трудности для обеспечения Красной Армии. Представители польского эмигрантского правительства и руководство армии Андерса с конца 1941 года через своих представителей начали переговоры с нацистами о переходе на их сторону. Единственное условие, которое выдвигалось, — создание польского марионеточного государства под эгидой Германии. Такими они оказались, наши «союзники».

Приходилось полагаться только на себя. Имелось немного и одновременно много, если иметь в виду мужество солдат и офицеров. А еще — природно-климатические условия. Затянувшийся «бег на месте» был нам на руку. Представим себе на минутку, какой ущерб наносили бы нам немецкие моторизованные части, поддерживаемые артиллерией, танками и авиацией, если бы они действовали в степных просторах. Впрочем, и представлять не стоит. Лавинный бросок до Сталинграда — тому свидетельство. Значит, надо было изматывать противника в лесах и болотах, где его преимущества в вооружении своди-

лись на нет, надо было не давать захватчикам приходиться в чувство. Авторитетные специалисты осуждают либералов за то, что из поля исторического осмысления была выведена гениальная по реализации стратегическая игра советского командования и государственного руководства. Игра, которая позволила ценой относительно небольших потерь на год лишить лучшую в мире армию ее преимуществ. И навязать значительной ее части невыгодную позиционную борьбу за удержание невыгодных позиций. Навязать этой части борьбу в таких географических условиях и по таким правилам, при которых имевшие место существенные недостатки технического оснащения и подготовки Красной Армии практически полностью нивелировались.

Наоборот, в этих условиях она приобретала возможность полноценно вести огневой бой. Полноценно и эффективно использовать нарастающее превосходство СССР в производстве танков, пушек, артиллерии и боеприпасов.

Фашисты стратегическую важность выступа и опасность окружения понимали, поэтому держали здесь отборные, хорошо вооруженные дивизии. Южные направления отдали на откуп венграм, румынам, итальянцам. Ржевский выступ не доверяли никому. На относительно небольшой территории были сосредоточены 2/3 всех сил групп армий «Центр».

Именно в таких кровавых муках подо Ржевом, почти в полутора тысячах километров от Сталинграда, берет начало, рождается, вызревает Сталинградская битва. Именно Ржев обеспе-

чил нашим войскам успех. 11 декабря 1942 года на Дону Манштейну не хватило танковых и мотопехотных дивизий, способных пробить коридор к окруженной под Сталинградом армии Паулюса. В имеющем стратегическое значение контрударе Манштейна участвовало 17 дивизий, из которых всего лишь пять танковых. А в лесах на Ржевском плацдарме пять полноценных немецких танковых дивизий неделями боролись только с одним корпусом. И когда фронт после Сталинграда неумолимо покатился на запад, фашисты сами оставили позиции. Ушли без боя.

В либеральном лагере и тут находятся адвокаты: мол, 9-я армия Вальтера Моделя фактически не была разгромлена, а по собственной инициативе покинула выступ зимой 1943 года. Посетители сайтов Интернета язвительно замечают по этому поводу: «Судя по высказываниям либералов, немцы сами организованно отступили и оставили Ржев и Волгу. Видно, соскучились по родине... А наши за просто так, по вине и, как там еще ныне пишут, «по некомпетентности» наших генералов (это по нынешнему стратегическому мышлению теоретиков от «отечественной» истории) головы и души свои положили. И по той же причине дошли до Берлина, все теми же генералами ведомые».

Немцы оставили плацдарм, за который столь долго и упорно держались, не по собственной прихоти. Разгром армии Паулюса под Сталинградом изменил всю ситуацию на советско-германском фронте. Немцы вынуждены были сокращать его протяженность, и у них не оставалось иного

выхода, кроме отступления с Ржевско-Вяземского выступа. Но сам успех под Сталинградом был обусловлен в том числе тем, что значительные силы вермахта были связаны боями за удержание Ржева.

Долгожданная победа подо Ржевом была безоговорочной. Но победа не громкая, не акцентированная, как нокаут в Сталинграде, а «техническая», «по очкам». Победа, ради стратегического выигрыша, в которой пришлось идти на тактические поражения, на вынужденные жертвы. Разведка боем или имитация главного удара — это ведь тоже вынужденные жертвы. Без них война не обходится.

Многие коллеги-конкуренты Коробцова это не почувствовали, основывая проекты исключительно на опыте Вучетича. Наш молодой скульптор понял, что соревноваться с Вучетичем в масштабности, монументальности, апофеозности неуместно. Нужна иная стилистика — более камерная, более интимная, прокладывающая путь к зрителю не магией размеров, не гиперболизированной красотой символов, а приближением образа к естеству, к самой жизни.

А помогли ему в этом традиции отечественной культуры, стихи Расула Гамзатова, который безупречно опозитизировал легенду превращения ушедших от нас человеческих душ во всеми любимых птиц — белых журавлей, особо выделив, что благородными птицами становятся именно воины, погибшие во имя Отечества. Вспомним:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,

А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времен тех дальних

Летят и подают нам голоса.

Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Величественный и одновременно трагический поэтический, а затем и песенный образ погибшего за Родину солдата был продолжен скульпторами. Работ не счесть. Одни из них и в самом деле удачны, другие — не очень, а третьи неудачны совсем. Но в большинстве своем их объединяет композиционно важный момент: воплощенные в журавлей человеческие души как бы уходят, улетают от нас — в неизвестность, в вечное бытие-небытие. Уходят навсегда, безвозвратно. Отсюда минорность вокала, отсюда печаль.

Коробцов оправданно и оригинально, по-своему обыграл этот смыслообразующий момент: на крыльях журавлей из неизвестности, из небытия появляется перед нами главный персонаж мемориального комплекса — солдат. Развивающаяся сзади плащ-палатка тоже напоминает крылья, на которых спешил воин к зрителю. В руках раскаленный автомат, внизу клочья обмундирования — спешил из боя. Герой внутренне опустошен. Ведомый ротным, он шел вперед — напропалую. Казалось, кто-то неведомый оберегал его от длинных пулеметных очередей, от автоматных пуль, роем летящих навстречу. Слева и справа, спереди и сзади снопами падали подкошенные осколками и автоматными очередями сослуживцы. А он бежал и бежал, петляя, как заяц, между разрывами, туда, где змейкой изви-

ваются вражеские окопы. Там спасение — себя и страны. На самом бруствере он успел выпустить очередь вслед убегающим мышинного цвета шинелям, бросить в пасть окопа гранату. И здесь, на бруствере его сразила вражеская пуля. Врешь, не возьмешь, думал солдат, теряя сознание.

И он ожил — в наших сердцах благодаря памяти, благодаря памятнику. Он пришел, чтобы обнять нас, его соотечественников. Исполдволь возникает, растет и крепнет облагораживающее чувство: герои не уходят в никуда, они с нами, среди нас. Они не сказочные богатыри, а обыкновенные люди, оказавшиеся по духу богатырями. Это наши прадеды и деды, это наши отцы и братья. Памятник — не лермонтовский укор нам, живущим: богатыри — не вы. Это своего рода икона, побуждающая к исповеди, к покаянию, к естественному желанию быть такими, как наши предки. И это не властный рупорно звучащий призыв сталинградского монумента Вучетича к защите Отечества. Это скорее напоминание о долге, совет, который дает герой.

Не противопоставляю, не сравниваю, не утверждаю, будто одно лучше другого. Пишу об уместности. В одном случае уместен поднявшийся до космических высот экзальтированный призыв к защите Отечества, в другом — его отдаленное эхо, благодаря которому мы преклоняемся перед воинами, сложившими головы на безымянной высоте и обретшими бессмертие.

Один из соотечественников, побывавший на местах боев в октябре, увидел на одном из осыпавшихся бру-

стверов окопа бабочку, пишет в Интернете. «Я по жизни достаточно циничный человек, но случаются какие-то события, и начинаешь верить в мистику. На этот раз почему-то подумалось: может это души воинов вот так приходят к месту, где лежит погибший солдат». Коробцов мистику убрал, возведя величественный мемориальный комплекс.

В наши странные, противоречивые времена скульпторы оказались в ловушке, лишившись героев. От «новых русских» пахивало и пахивает криминальным дымком. В персонажи «Бандитского Петербурга» они, конечно, годились, но объектами для ваятелей могли быть только на многочисленных погостах, куда попадают отнюдь не за высокие идеи. Рабочего с колхозницей даже на ВДНХ убрали в укромное местечко, а в реальной жизни наши новые «эстеты» окрестили их (а вместе с ним ученых, инженеров, учителей) совками, нищербодами, неудачниками. Поэтому в лучшем случае они могли оказаться героями уличных скульптурок вроде сантехника в каске и с разводным ключом, выбирающегося из канализационного люка с обезумевшими глазами. Эту тенденцию зафиксировали и ученые, на с школярски онаученном, правда, языке. Мол, «анализ коммуникативных возможностей монументальной скульптуры позволяет говорить о востребованности произведений со сниженным пафосом, без абсолютистских претензий, что подводит к вопросу трансформации критериев монументализма. Известные симптомы «кризиса изящных искусств», нацеленных на сближение с масс- и поп-культурой,

приводят к «демонументализации» памятников».

Можно лишь согласиться, кризис изящных искусств налицо. Он — от кризиса идей, от подмены подлинных героев муляжами. Верх над изящными балеринами взяли причисляющие себя к балеринам существа женского полу с плечами штангиста и повадками светских львиц, странно похожих на повадки уличных девок. Знать, прибывающая на таинство венчания в катафалке и как бы оправдывающая свое поведение тем, что относится к генетическим отбросам, иных чувств, кроме брезгливости, мало у кого вызывает.

Осталась армия и героическое прошлое страны. Но и тут либеральная команда поднимает остервенелый гвалт, подвергая остракизму патриотизм. Цинично извращенная цитата классика «Патриотизм — последнее прибежище негодяев» до сих пор слышится на каждом медийном перекрестке. Поэтому одни ваятели ушли в абстракцию, инсталляцию, с помощью двух кирпичей силясь изобразить роденовский «Поцелуй», другие занялись эпосным многозначительным гигантизмом (памятник Петру I в Москве), третьи, кроме монументов браткам, уже ничего не могут (и не хотят) делать. А четвертые... Четвертые, несмотря ни на что, все-таки обращались к героическому настоящему и прошлому народа, к патриотизму. В их ряды встал и Коробцов.

Он понимает, что избрал непростой путь. Либеральные наши братья и сестры (а им принадлежат сегодня многие СМИ), повторяю, слово «патриотизм» на дух не переносят.

Примерно так будет выглядеть мемориальный комплекс советскому солдату подо Ржевом

По их странной логике Отечество любить нельзя, мы обязаны его ненавидеть. Над патриотизмом должно возвыситься знамя космополитизма, коллаборационизма или сексуальной раскрепощенности. Вместо долга — похоть, вместо нравственных пьедесталов — выгребные помойные ямы нутра. Все это уже давно «не работает». Вспоминается анекдот. Покупатель продавцу в магазине:

— Здравствуйте, у вас любовь есть?

— Нет.

— А когда будет?

— Не знаю, климат изменился... она редко бывает. Возьмите секс.

— Извините, я розу прошу, а не лопух.

Нам стремятся всучить лопухи на каждом шагу. Наши «вбоксмотрящие» талдычат об одном и том же, ча-

сто цитируя Оруэлла. Но цитируют то, что выгодно. А вот что писал Джордж Оруэлл еще в 1940 году. «Человек — не особь, он лишь клеточка вечносущего организма, и смутно он это сознает. Иначе не объяснить, отчего человек готов погибнуть в бою. Нелепо утверждать, что он так поступает исключительно по принуждению. Если бы принуждать приходилось целые армии, невозможной сделалась бы любая война. Люди погибают, сражаясь из-за абстракций, именуемых «честью», «долгом», «патриотизмом» и так далее, — разумеется, не в охотку, но, во всяком случае, по собственному выбору». В другой работе он утверждает: «Погибших нет, коль Англия жива», — звучит высокопарной болтовней, но замените слово «Англия» любым другим по вашему предпочте-

нию, и вы убедитесь, что тут схвачен один из главных стимулов человеческого поведения».

Иллюстрация этого выбора — судьба пограничника Евгения Родионова, попавшего со товарищи в плен к чеченским боевикам. Он мог остаться в живых. И «все-то» надо было принять ислам, снять крест. Не снял. Продержался сто дней пыток. Не выдержали бандиты — обезглавили солдата, почти мальчишку, в его день рождения — 23 мая 1996 года. Коробцов изваял героя в полный рост и представил в качестве дипломной работы, получив отличную оценку, да еще и с похвалой. И есть что-то неуловимое и в то же время отчетливо просматриваемое в Ржевском памятнике советскому солдату и в дипломном проекте. На могилу героя, специально для того чтобы отдать дань уважения русскому солдату Евгению, прилетал из Великобритании войсковой капеллан: «На примере подвига вашего сына буду воспитывать английских солдат», — сказал он матери Евгения, — ведь в нашей контрактной армии таких героев, как Женя, нет». В нашей, утверждает Андрей Коробцов скульптурой Ржевского комплекса, есть — целые армии, весь народ.

А после диплома тоже по нынешним временам весьма непопулярная тема — памятники первопроходцам Курской Магнитной Аномалии в Губкине и металлургам в Туле. Они выполнены по всем канонам классической советской скульптуры. Автор делает это сознательно, подчеркивая историческую и духовную связь творчества с прошлым и будто специально бросая вызов тем коллегам, которые

от этих канонов и от этих тем отворачиваются как черт от ладана. Почитателей творчества Коробцова его линия поведения с акцентом на гражданственность радует больше всего.

Вообще, без полемического задора, без публицистического подтекста творчество Андрея Коробцова представить трудно. Недавно в Калуге был открыт памятник Ивану III, собирателю русских земель. И сразу возникла дискуссия. Одни указывают на портретное несходство героя с прототипом. По мнению других, стремительность царя была свойственна, скорее, Ермаку, нежели государю, человеку осмотрительному и расчетливому. Высказываются мнения, будто автор увлекся гиперболой, и памятник утратил эстетическое обаяние, превратившись в символ. Каждый, конечно, имеет право на свою точку зрения. Но каждый аналитик должен задать себе элементарный вопрос: зачем Коробцов взял гиперболу на вооружение, почему отказался от абсолютной похожести, как, скажем, и Михаил Козловский, автор памятника полководцу Александру Суворову в Санкт-Петербурге, открытому в стародавние времена — еще в 1801 году?

Думается, тут сыграли роль два обстоятельства. Во-первых, такой стиль делает героя похожим на былинные персонажи, указывая на глубокие корни русского духа, русского задора и русской хватки. Во-вторых, былинная аллегория величия если не противопоставляется нашему времени в абсолютном смысле, то бросает ему упрек за то, что скатываемся в вещизм, потребительство, фетишизируем капитал и поощряем крайний индивидуа-

лизм, обходимся суррогатом чувств, подменяя ими истинные. Помните «Слове о полку Игореве...», когда «...сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князя про малое «это великое» говорить. И сами на себя крамолу ковать».

Как же все это напоминает нас, наше время! И поэтому исповедует-ся он, скульптор Коробцов, за себя, за всех нас. И взывает его герой, Иван Великий, объединивший значительную часть русских земель вокруг Москвы и превративший Москву в центр единого Русского государства, добившийся окончательного освобожде-

ния страны от ордынской зависимости: «Очнитесь, братия! Хватит видеть в Отечестве изгоя! Не к лицу жить нам по принципу «Это мое, и то мое же», который нам ежедневно вколочивает в души и сердца либеральная тусовка!»

Много лет назад Салтыков-Щедрин написал пророческую фразу: «Талант сам по себе бесцветен и приобретает окраску только в применении». Работы молодого и чрезвычайно даровитого скульптора Андрея Коробцова ее подтверждают.

Фото из Интернета

Николай Карташов

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ГЕНЕРАЛА ВАТУТИНА*

Художественно-документальное повествование

*(Продолжение.
Начало в №№ 2–4 за 2020 г.)*

Глава 5 В АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Академия Генерального штаба РККА располагалась в двух зданиях в Большом Трубецком переулке — тихой старой московской улочке, выходящей на Большую Пироговскую. В одном здании находились учебные аудитории, в другом — общежитие для слушателей, поликлиника, столовая, парикмахерская, пошивочное ателье, детский сад.

В новое военно-учебное заведение было зачислено 137 человек, в основном из числа офицеров Генерального штаба, штабов военных округов, откуда как раз был Ватутин. Также в «маршальский набор», как впоследствии его назовут, попали начальники штабов соединений и преподаватели военных академий. Большинство слушателей составляли представители сухопутных войск — пехоты, кавалерии, артиллерии, танковых и инженерных частей. Но были здесь и авиаторы, и даже моря-

ки. Все слушатели имели за плечами солидный опыт службы на различных командных и штабных должностях, хорошие аттестации, как правило, прошли Первую мировую и Гражданскую войны, военные конфликты и окончили до этого другие академии. Учебные группы были скомплектованы таким образом, чтобы в каждой из них были представлены 1–2 комбрига, 3–5 полковников и несколько майоров. На обучение отводилось 18 месяцев. Занятия начались 1 ноября. Снапутственным словом к слушателям обратился начальник Генерального штаба РККА маршал Советского Союза А.И. Егоров.

Ватутин, его старые и новые сослуживцы хорошо понимали, для чего и почему была создана Академия Генерального штаба. На тот момент Вооруженные силы Советского Союза не располагали в нужном количестве кадрами с высокой оперативно-стратегической подготовкой. Командный состав оперативного звена готовился на одногодичном факультете в Военной академии имени М.В. Фрунзе и больше нигде. А жизнь настоятельно требовала наладить, что называется, штучную

* Журнальный вариант

подготовку высших руководящих военных кадров. Кроме того, необходимо было развивать теорию оперативного искусства, поскольку Академия имени М.В. Фрунзе в силу своего профиля этим заниматься не могла.

Но была еще одна и, пожалуй, главная причина создания нового учебного заведения. Ни для кого не являлось секретом, что фашистская Германия активно занимается наращиванием вермахта и развертывает военную промышленность, готовясь к нападению на Советский Союз. Цель — не просто удушить большевистскую Россию, а завоевать для немецкой нации, как неоднократно заявлял А. Гитлер, «жизненное пространство на Востоке», которое обеспечит дальнейшее развитие Тысячелетнего рейха. Так что создание нового высшего военно-учебного заведения было велением времени.

Начались же занятия, как в обычной общеобразовательной школе, с повторения пройденного. Затем слушатели ознакомились с новейшими образцами самолетов и средствами управления авиацией, освежили в памяти тактико-технические данные артиллерийских систем, инженерных средств, а также средств связи и химической защиты. Также им были продемонстрированы новые танки. Завершился этот этап учебы зачетами по боевой технике.

В целом учебный процесс имел свою специфику. Занятия строились с учетом того, что слушатели уже имели высшее военное образование. Для всех без исключения профилирующей учебной дисциплиной было оперативное искусство и прежде всего подготовка и проведение армейской операции.

Кроме того, Генеральный штаб постоянно контролировал работу ака-

демии, оказывал помощь, периодически организовывал для слушателей и профессорско-преподавательского состава доклады и лекции руководящего состава Наркомата обороны, Генерального штаба и округов по актуальным вопросам военного искусства и строительства Красной Армии. В частности, Ватутину довелось слушать лекции и доклады заместителя наркома обороны СССР маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского, начальника Генерального штаба РККА маршала Советского Союза А.И. Егорова, начальника ВВС РККА командарма 2-го ранга Я.И. Алксниса и других.

Профессорско-преподавательский состав также соответствовал статусу нового учебного заведения. В главной кузнице подготовки высшего командного состава трудились лучшие преподаватели того времени, пользовавшиеся авторитетом в армии благодаря своим военно-теоретическим трудам. Здесь Ватутин вновь встретился со своими наставниками по Военной академии им. М.В. Фрунзе — профессором военно-инженерного дела Дмитрием Михайловичем Карбышевым и профессором Александром Андреевичем Свечиным, автором классической работы «Стратегия». Забегая вперед, скажем, что под руководством Карбышева Ватутин написал основательную научную работу «Роль укрепленных районов в современной войне».

«На занятиях в группах отработывалось умение дать всестороннюю оценку обстановки, сделать из нее выводы и принять решение на операцию, — вспоминал в своих мемуарах генерал-полковник Л.М. Сандалов. — При этом каждый слушатель неоднократно бы-

вал и в роли разведчика, и в роли оператора, и в роли начальника того или иного рода войск, и, наконец, в роли начальника штаба и командующего армией. Затем руководитель группы утверждал решение одного из слушателей, и на основе этого решения продолжалась дальнейшая разработка темы. Последующие групповые занятия посвящались составлению приказов на операцию и разного рода документов по планированию ее. В частности, отрабатывались документы по планированию действий специальных родов войск (авиации, артиллерии, инженерных и связи), а также по тыловому обеспечению. С этой целью проводились специальные групповые занятия, которым предшествовали консультации специалистов-преподавателей. Лишь после тщательной самостоятельной подготовки по разделам темы слушатель должен был сдать зачеты... Хорошо проводились у нас и оперативные игры. Вероятным противником на этих играх выступала обычно армия фашистской Германии. Столкновение с ней считалось неизбежным. Однако, по тогдашним нашим представлениям, темпы роста немецкой армии были значительно ниже, чем в действительности, и потому мы рассчитывали, что Германия развяжет войну не так-то скоро. Кроме того, существовало убеждение, что наша армия по численности и техническому оснащению к началу войны непременно будет сильнее войск фашистской Германии и ее потенциальных союзников. В связи с этим отработке тем по обороне уделялось, к сожалению, очень мало внимания».

Наряду с изучением военных дисциплин, слушатели овладевали марксистско-ленинской теорией, практи-

кой партийно-политической работы. По-другому в то время и быть не могло. Коммунистическая партия являлась руководящей и направляющей силой в стране, в Вооруженных силах проводниками ее идей и генеральной линии выступали командиры и политработники.

Ватутин стал коммунистом еще в бытность курсантом Полтавской пехотной школы, когда ему исполнилось 20 лет. С тех пор он принимал активное участие в жизни партийных организаций частей, в которых служил.

Учеба в академии занимала у Ватутина основное время. Тем более что тяга к знаниям была у него с детства. Он овладевал науками, не зная выходов, что, безусловно, вызывало недовольство жены. Татьяне Романовне хотелось вместе с мужем и в кино сходить, и в театр, и в музей... В конце концов — просто погулять всей семьей по столичным улицам или паркам.

— Милый мой академик, — ласково обращалась жена к Ватутину, упрашивая его пойти в театр.

— Вот закончу учебу, обязательно приедем в Москву в отпуск и будем с тобой ходить в театр хоть каждый день, — отшучивался он.

И все же сдавался, уступал жене, выкраивая из своих напряженных учебных будней часы, чтобы провести их вместе Татьяной Романовной и детьми. Но после прогулок или театра опять садился за учебники, а утром вновь спешил на занятия.

В течение зимы 1936/37 годов слушатели основательно изучали армейскую и фронтовую операции в рамках новой теории военного искусства, а с наступлением весны их учеба в основном была сосредоточена на оперативных играх на кар-

тах. Ватутину приходилось выступать то в роли командующего фронтом (армией), то в роли начальника штаба фронта (армии) или его заместителя. В ходе этих игр Ватутин, как и его однокурсники, сдавал экзамены по теории оперативного искусства. А в первых числах лета слушателей направили на стажировку в Военно-морские силы, а по меткому выражению кого-то из слушателей, «на моря». Одна половина курса уехала на Балтийский флот, вторая — на Черноморский. В ходе этой стажировки Ватутин, как и другие сухопутчики, приобрел новые знания в части взаимодействия сил военно-морского флота с наземными войсками в оборонительных и наступательных операциях.

После стажировки, успешно перейдя на 2-й курс, Ватутин получил отпуск и вместе с семьей уехал на черноморский курорт. Это был последний год, когда он пользовался отпуском. Однако отдохнуть по-настоящему не удалось — через неделю Ватутин получил телеграмму, которая предписывала ему срочно прибыть в Москву.

В поезде терялся в догадках: в связи с чем его отозвали из отпуска? Впрочем, не только он оказался в такой ситуации — у более 30 слушателей аналогичным порядком были прерваны отпуска. Начальник академии объявил, что поступило указание из Наркомата обороны СССР отозвать часть слушателей из академии и направить в войска.

— Значит, надо собираться в дорогу? — спросила Татьяна Романовна, когда Ватутин пришел с этой новостью домой.

— Да, Танечка, надо, — ответил он. — Но сначала я один поеду, а потом и вас заберу.

Татьяна Романовна давно уже привыкла к тому, что служба мужа — это частые расставания с семьей, и порой на долгое время. Поэтому очередной переезд приняла как должное.

На следующий день в Главном управлении кадров РККА Ватутину вручили предписание, предложив незамедлительно убыть в столицу Украины, и вступить там в должность заместителя начальника штаба Киевского военного округа. Окончательно выпускником академии он станет лишь через год, 11 августа 1938 года. В этот день народный комиссар обороны СССР маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов подписал приказ за № 01337, в соответствии с которым за научную работу по теме «Роль укрепленных районов в современной войне» комбригу¹ Н.Ф. Ватутину были присвоены все права окончивших академию.

Новые назначения получили и товарищи Ватутина. Так, полковник А.И. Антонов был назначен начальником штаба Московского, полковник М.В. Захаров — Ленинградского военных округов. Полковника Л.М. Сандалова направили в Минск начальником Оперативного отдела штаба Белорусского военного округа, а полковника А.М. Василевского оставили при академии, назначив начальником одной из кафедр.

Однако летом 1937 года состоялись не только новые назначения. Значительная часть командно-начальствующего и политического состава армии и флота лишилась не только должностей, званий, наград, но и жизни. «От

¹ Звание комбриг Ватутин получил 17 февраля 1938 года.

тайги до британских морей» Красную Армию начал перемалывать кровавый молох беззаконий и репрессий. Непрерывно шли собрания и митинги, на которых клеймились позором «враги народа».

В историко-документальной литературе достаточно подробно описано это страшное для страны время и, в частности, для ее Вооруженных сил. На самом высоком государственном уровне дана оценка политике тогдашнего руководства страны во главе со Сталиным, в результате которой был нанесен огромный ущерб Вооруженным силам, обороноспособности государства. Оценки количества репрессированных командиров и военнослужащих РККА в 1937–1939 годах не точна, но с начала 1960-х годов наиболее распространена цифра в 36 761 человек репрессированных в Красной Армии (без флота) с мая 1937 по сентябрь 1938 года².

За этими цифрами стояли конкретные люди, многих из которых Ватутин хорошо знал — сослуживцы, командиры, начальники, преподаватели... В Академии Генерального штаба, в которой он еще вчера овладевал оперативным искусством, в 1937–1938 годах были арестованы и оклеветаны уже упоминавшиеся в нашем повествовании видные ученые, создатели фундаментальных трудов, в том числе и военно-исторических, — Верховский, Свечин, Алафузо, Жигур и другие. Не минула эта горькая участь и начальника академии комдива Кучинского.

В Сибирском военном округе, откуда Ватутин прибыл на учебу в Москву,

также прошли повальные аресты командиров и политработников. Как свидетельствуют документы, с 1 мая по 11 ноября 1937 года в округе были арестованы или осуждены по контрреволюционным преступлениям 479 военнослужащих.

Аналогичная картина была и в Киевском военном округе: только в период с июня по ноябрь 1937 года там уволили 1894 человека, из них 861, то есть почти половину, был арестован как участник антисоветского военного заговора. Эти и другие страшные факты приводили Ватутина в состояние растерянности. «Кому верить?», «Как могло такое случиться?», «Что вообще происходит?» — задавал он себе подобные вопросы. Они не давали ему покоя и в поезде, который вез его в Киев. Мысли обгоняли монотонный стук паровозных колес. «Почему же все-таки арестовали маршалов, командармов, комкоров?» Верил ли Ватутин в их вину? Сказать твердое «нет» он не мог — слишком непоколебима была его вера в правильность генеральной линии партии, ее вождя товарища Сталина. Но сомнения все же были. И сейчас, глядя в пролетающие мимо вагонных окон редкие огоньки украинских сел и хуторов, он думал о людях, которых трудно было заподозрить в шпионаже, участии в заговорах или других злодеяниях. Душу грела надежда, что Сталин во всем разберется, правда восторжествует, а те, кто его ввел в заблуждение, будут строго наказаны.

Вскоре так оно и случится. В августе 1938 года при Управлении по начсоставу РККА была создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных командиров и политработников. Все-

² Суверинов О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 300.

го комиссией было рассмотрено около 30 тысяч жалоб, ходатайств, заявлений. В результате ее работы к началу 1940 года было восстановлено в РККА из уволенных в 1937 году 4661, из уволенных в 1938 году — 6333 и из уволенных в 1939 году — 184 человека. Кроме того, 2416 человекам была заменена статья увольнения на более благоприятную. Работа комиссии продолжалась и далее, и на 1 мая 1940 года в ряды Красной Армии был возвращен 12 461 уволенный командир и политработник. Однако большинство трагических ошибок уже невозможно было исправить. Они, эти «ошибки», будут повторяться и в последующие годы, вплоть до смерти Сталина.

В тяжелых раздумьях незаметно пролетела короткая июльская ночь. Первые лучи солнца брызнули в купе вагона. Сразу после железнодорожной станции Дарница, рядом с которой находились знаменитые полевые лагеря, Ватутин почти неотрывно смотрел в окно. Именно в этих местах в начале 20-х годов, будучи слушателем Киевской высшей объединенной военной школы, он по-пластунски ползал по заднепровским низинам, поднимался в учебные атаки, постигая трудную науку побеждать. И вот новая встреча с Киевом, городом его краскомовской молодости.

Промелькнули высокие фермы моста через Днепр. Ярко засверкали на солнце выглядывавшие из буйной зелени золотые купола храмов и церквей Киево-Печерской лавры. Радостно прокричал гудок паровоза. Густой пар клубами вылетал из его трубы. Навстречу уже бежали вокзальные строения, перрон...

Глава 6 В КИЕВСКОМ ОСОБОМ...

Прямо с вокзала, куда за Ватутиным прислали машину и офицера, он прибыл в штаб и сразу, как того требует устав, представился командующему войсками Киевского военного округа командарму 2-го ранга Ивану Федоровичу Федько. Эта была их первая встреча, прежде армейские пути-дороги Федько и Ватутина не пересекались.

— Я сам здесь без году неделя, — начал разговор Федько. — Полтора месяца назад как вступил в должность. Проблем, откровенно скажу, выше крыши, а самая главная — это отсутствие надежных и знающих дело кадров. К сожалению, многие командиры и начальники оказались врагами народа, вредителями, шпионами. Как следствие, органам военного управления, соединениям и частям округа нанесен серьезный урон, из-за чего идут сбои в организации управления войсками, наблюдается падение воинской дисциплины, снизился уровень боевой выучки и политико-морального состояния войск.

Федько рубил фразами хлестко, безапелляционно.

— Враги и их прихвостни еще сидят в частях и соединениях округа и делают свое грязное дело, — продолжал он. — Наша задача до конца выкорчевать всю эту нечисть и сволочь...

В такой непростой обстановке, когда всем, начиная от командующего, мерещились вокруг враги, шпионы и предатели, Ватутин приступил к исполнению своих обязанностей. Первое, что бросилось в глаза, это тревога, растерянность, нервозность и подавленность на лицах подчиненных. А иначе и быть не

могло: в штабе больше половины начальников отделов и их заместителей были арестованы. На некоторые вакантные места были назначены офицеры, зачастую даже не представлявшие, чем им нужно заниматься. Никто из них не знал, что с ними будет сегодня, завтра, в ближайшие недели и месяцы. Не знал этого и сам Ватутин, поскольку обстановка усугублялась атмосферой всеобщей подозрительности.

В этих условиях необходимо было вернуть людям веру, вселить в них уверенность и мобилизовать на решение стоящих задач. Так Ватутин и поступил. Во многом его стараниями работа штаба вошла в привычную колею. «Н.Ф. Ватутин не терпел формализма и волокиты, — пишет о том периоде Ю.Д. Захаров, автор биографического очерка «Генерал армии Н.Ф. Ватутин», изданного Военным издательством в 1985 году. — Любой вопрос, с которым к нему обращались, решал быстро и четко. В отношениях с подчиненными всегда сохранял спокойствие и корректность. И если видел, что кому-то что-либо не ясно, терпеливо объяснял, советовал, учил. Это еще больше поднимало его авторитет в глазах подчиненных».

В октябре 1937 года при активном участии Ватутина под Житомиром были проведены опытно-показательные маневры, в ходе которых отрабатывались вопросы управления войсками, наступательного боя, организации обороны, десантирования личного состава. Оценивая их результаты, командующий округом командарм 2-го ранга Федько отметил умелые действия танкистов, летчиков, парашютистов, артиллеристов. Не осталась незамечен-

ной и работа штабов, которые обеспечили подготовку этих маневров.

График работы нового заместителя начальника штаба был достаточно плотным. Планирование и подготовка учений, командно-штабных тренировок, разработка приказов директив, разного рода совещания, выезды в войска, решение организационных вопросов — это и многое другое занимало значительную часть суток, не оставляя ему практически времени ни для выходных, ни хотя бы для свободных вечеров.

Домой, а жила его семья в двухэтажном особняке для высшего комсостава на улице Розы Люксембург³, Ватутин возвращался обычно очень поздно. Войдя в квартиру, он прежде всего обнимал и целовал свою Танечку — Татьяна Романовна никогда не ложилась спать, не дождавшись мужа. Потом тихонько, на цыпочках шел к спящим детям — дочери и сыну, чтобы их увидеть и поцеловать. Ватутин очень любил семью, скучал по ней даже во время недолгих расставаний. Татьяна Романовна была его надежным тылом. Приготовив ужин и уложив детей спать, она всегда терпеливо ждала мужа. Это были, пожалуй, самые тревожные часы ожидания в ее жизни, особенно в 1937–1938 годах. Тишина стояла настороженная. Если в гулком ночном подъезде слышалось множество торопливых шагов, значит, за кем-то пришли или кого-то повели... Борьба с «врагами народа» продолжалась.

Сейчас трудно ответить на вопрос, почему Николай Федорович не попал

³ До 1919 года эта улица именовалась Екатеринбургской, а в 1993 году улицу Розы Люксембург переименовали в Липскую. Это название она носит и сегодня.

под колеса той мощной репрессивной машины, которая беспощадно давила и уничтожала командные кадры Красной Армии. Между тем он в любой момент тоже мог оказаться среди тех, кого объявили «враждебным элементом» или «врагом народа». Как известно, в камеры и подвалы НКВД люди часто попадали только за то, что встречались с тем или иным человеком, объявленным «врагом народа». Таких встреч, не говоря уже о годах совместной службы и учебы со многими «предателями дела революции» и «иностранными шпионами», у нашего героя было, как сказано выше, более чем предостаточно.

А может, Ватутин уцелел благодаря тому, что сам участвовал в кампании по «выкорчевыванию врагов народа»? Как считают некоторые историки, отдельные будущие полководцы и военачальники Великой Отечественной войны не попали под топор репрессий только благодаря тому, что сами строчили доносы. Если обратиться к аттестации Ватутина того периода, получается, что и его нельзя исключить из этого списка. Итак, читаем: «Товарищ Ватутин Н.Ф. идеологически устойчивый, морально выдержанный, бдителен, беззаветно предан делу партии Ленина-Сталина и социалистической Родине... Активно боролся с врагами народа и провел большую работу по ликвидации последствий вредительства. В партийно-политической работе принимает самое активное участие. Связан с массой, чутко относится к нуждам и запросам командного состава и красноармейцев. Правильно нацеливает и мобилизует парторганизацию и командный состав на выполнение поставленных задач».

В объективности характеристики сомневаться не приходится. Однако что касается активной борьбы Ватутина «с врагами народа», то никаких подтверждений в архивах обнаружить не удалось. Приведенная же в аттестации фраза не более чем обязательный атрибут для такого рода документов. Аналогичные или подобные фразы можно встретить практически в каждой аттестации той эпохи.

Тогда почему Ватутину удалось избежать расстрельной статьи? Как вспоминала его дочь Елена, а она, в свою очередь, ссылалась на мать Татьяну Романовну, ему просто выпал счастливый жребий, благодаря которому он и не попал в кровавую мясорубку. Так в армии остался талантливый полководец, сыгравший ряд главных ролей на фронтах Великой Отечественной войны. Неслучайно многие уцелевшие в те годы командиры и начальники регулярно получали новые назначения и быстро двигались по служебной лестнице. Ватутин не был исключением.

В ноябре 1938 года он был назначен начальником штаба Киевского Особого военного округа. Его предшественника — комдива И.В. Смородинова — перевели в Москву, где он занял там должность заместителя начальника Генерального штаба РККА. Чуть раньше, в январе, повышение получил и командующий войсками округа командарм 2-го ранга Федько — его назначили 1-м заместителем наркома обороны СССР. Однако за взлетом последовало резкое падение: 7 июля Федько, к тому времени ставший командармом 1-го ранга, был арестован как враг народа.

Дальнейшая служба Ватутина, его становление как начальника штаба

проходила под началом уже нового командующего войсками округа — командарма 2-го ранга С.К. Тимошенко, с которым у Ватутина с первого дня знакомства сложились хорошие отношения. Семен Константинович принадлежал к славной когорте командиров, возвращенных в сабельных атаках еще в годы Гражданской войны.

Что на командующем Тимошенко, что на начальнике штаба Ватутине лежала огромная ответственность за положение дел в округе. Киевский Особый военный округ (добавление «Особый» округ получил 26 июля 1938 года) являлся приграничным, и это определяло его стратегическую значимость для обороны страны. На территории округа дислоцировалась наиболее крупная на Западном направлении группировка войск Красной Армии. Перед войсками стояли задачи обороны огромной по протяженности государственной границы, в соответствии с которыми группировка должна была «не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа».

Приказом народного комиссара обороны СССР в округе были сформированы четыре армейские группы — Житомирская, Винницкая, Одесская и кавалерийская.

Основным органом руководства войсками был штаб округа, который организационно состоял из следующих отделов: оперативного; разведывательного; организационно-мобилизационного; военных сообщений; устройства тыла и снабжения; укомплектования и службы войск; укрепленных районов; топографического; финансовой и хозяйственной части; комендатуры.

В сферу их деятельности входили вопросы военно-административного управления, формирования, укомплектования и снабжения частей и соединений, боевой и политической подготовки личного состава, а также разработка мобилизационных планов и оперативного использования войск.

На всю эту структуру возлагалось огромное количество различных задач. Их успешное решение во многом зависело от грамотности, принципиальности, организаторских способностей и ответственности руководителя. Именно таким руководителем и проявил себя Ватутин. В штабах округа был создан режим предельно напряженной работы. Ватутин требовал оперативности, точности исполнения, и войска сразу почувствовали, что пришел профессионал своего дела. Причем он никогда не ограничивал свою штабную работу лишь бесчисленным потоком документов. В ее основе всегда лежали практические дела в войсках, широкое общение с личным составом всех категорий и постоянное расширение рамок своей деятельности.

«Ватутин любил поднимать войска и штабы по боевой тревоге с непременным выводом их в поле, — пишет военный историк С.П. Куличкин. — В работе штаба округа он не терпел волокиты, формализма, и бюрократизма. Сам работал оперативно и четко. В разговоре с подчиненными он был неизменно спокоен, корректен, не торопил их, не одергивал, терпеливо объяснял непонятное, показывал, учил. Все это поднимало его авторитет, вызывало не только уважение к нему, но и любовь. Вместе с тем войска чувствовали, что штаб округа возглавил энергичный, требо-

вательный, высокообразованный начальник».

Как свидетельствуют документы, в то время войска Киевского особого военного округа жили напряженной жизнью. Командованием большое внимание уделялось подготовке руководящего состава и штабов, особенно командиров корпусов и дивизий. Хорошей школой для этого служили командно-штабные и войсковые учения, которые расширяли оперативно-тактический кругозор командиров, углубляли понимание ими основ боя и операции, вооружали опытом взаимодействия родов войск.

Статус приграничного — Особого — округа накладывал особый же отпечаток на боевую учебу. А она в округе стояла на первом плане и являлась хорошей школой становления и возмужания бойцов, командиров и политработников. Насыщенные будни округа были неслучайными. В мире давно уже пахло порохом, все хорошо понимали: большая война настойчиво стучится в дверь. Ни для кого не являлось секретом, что реальным противником Советского Союза станет гитлеровская Германия, уже начавшая постепенно захватывать своими хищными лапами европейские страны и приближаться к советским рубежам.

В марте 1938 года вермахт перешел государственную границу Австрии, в одночасье указом Гитлера эта страна превращена в провинцию рейха. Показательный штрих: западные страны постарались не заметить исчезновения независимого государства и признали захват Австрии законным. Следующей добычей Германии стала Чехословакия. Вслед за Чехословакией вермахт окку-

пировал Клайпедскую область Литвы, превратив последнюю в базу для вторжения в Польшу. «Мы были готовы помочь Чехословакии. Авиация и танки находились в боевой готовности, — пишет в своих мемуарах «Воспоминания и размышления» Г.К. Жуков. — В районах, прилегающих к западной границе СССР, сосредоточилось до 40 дивизий».

Чехословацкое правительство, возглавляемое Эдуардом Бенешем, знало о том, что Советский Союз готов был прийти на помощь Чехословакии, однако отказалось от этой помощи, выбрав позорную капитуляцию. Вот что далее пишет Жуков: «Такой оборот дела, который не раз предсказывал Советский Союз, поставил перед Англией и Францией вопрос: а вдруг Гитлер, которого они подталкивали на восток, повернет на запад? Правительства этих стран начали новый тур переговоров, встреч, совещаний с целью припугнуть Гитлера возможностью военного союза с СССР. Требуя от Советского Союза помощи в случае агрессии со стороны Германии, главы правительств этих государств, Даладье и Чемберлен, вместе с тем не хотели брать на себя какие-либо серьезные обязательства. Переговоры зашли в тупик, в том числе и переговоры между военными миссиями Англии, Франции и СССР. Одним словом, если говорить о Европе — там господствовали нажим Гитлера и пассивность Англии и Франции».

Жуков нарисовал достаточно подробную и, что важно, объективную картину событий, происходивших в то время. Их дальнейший ход продолжился нападением Германии на Польшу и развязыванием Второй мировой войны. Она началась 1 сентября 1939 года. Со-

стоявшие с Польшей в договорных отношениях Англия и Франция через два дня объявили войну Германии.

Из документов известно, что Сталин еще в августе был проинформирован о возможности таких действий со стороны Германии. Сложившаяся обстановка, прежде всего позиция Великобритании и Франции, пытавшихся направить устремления агрессора на Восток, рассматривавших режим Гитлера как основной противовес коммунизму, вынудили руководство Советского Союза пойти на сближение с Германией. 23 августа 1939 года был подписан советско-германский Договор о ненападении, более известный как пакт Молотова-Риббентропа.

По поводу этого договора и дополнительного секретного протокола уже многие годы не стихают споры, а тайны тогдашней советской дипломатии некоторые историки и политики зачастую преподносят несведущему обывателю едва ли не как преступления. На самом же деле советское руководство никогда не полагалось на подписанный пакт о ненападении. Сталин, другие руководители СССР исходили из того, что пакт не избавлял страну от угрозы фашистской агрессии, но при этом дает возможность выиграть драгоценное время для укрепления обороны, воспрепятствовать созданию единого антисоветского фронта. Что касается Польши, то она сама себя перехитрила, оказавшись без союзников.

Активные боевые действия начались 1 сентября 1939 года. Следом шла мотопехота. Из-за облаков, едва не задевая шпили древних замков и костелов, вываливались сотни самолетов, обрушивая сотни тонн бомб на Варша-

ву, Перемышль, Львов... В походе против поляков немецкие войска наступали сразу с трех направлений, на каждом из которых действовала мощная группировка (группа армий). По своей численности вермахт намного превосходил польскую армию (по пехоте в 1,5 раза, по артиллерии в 2,8 раза, по танкам в 5,3 раза).

По стечению обстоятельств в этот же день в Москве сессия Верховного совета СССР приняла закон «О всеобщей воинской обязанности», в соответствии с которым Красная Армия стала кадровой.

Вернувшись в Киев с сессии Верховного совета СССР, командующий войсками округа командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко сразу же собрал в своем кабинете заместителей и начальника штаба. Коротко рассказав о принятых на сессии решениях, командующий перешел к событиям, происходившим в Польше.

— По данным нашей разведки, — сказал Тимошенко, — война там идет полным ходом. Польская армия не в состоянии остановить дивизии вермахта, они безостановочно, практически не встречая сопротивления, двигаются в сторону нашей границы. Поэтому мы должны быть готовы к любым неожиданностям, к самому неприятному для нас развитию событий.

Ставя задачи, командующий обратился к Ватутину⁴:

— Николай Федорович, прошу организовать необходимые мероприятия по линии службы войск. Прежде всего, нужно усилить охрану и оборону важ-

⁴ К этому времени Николай Федорович был уже комдивом, очередное воинское звание он получил 17 февраля 1939 года.

ных военных объектов, а также укреплений на территории округа.

А события развивались стремительно. Не было никаких сомнений в поражении Польши. Но не было уверенности в том, что войска вермахта, разгромив поляков, не продолжат дальше победное шествие на восток. В этой сложной обстановке необходимо было срочно принимать упреждающие меры, чтобы обеспечить безопасность границ страны. И они начали безотлагательно приниматься.

Для Ватутина и всех штабных работников округа в эти дни и недели были, как никогда раньше, напряженными. Впрочем, начиная с 1937 года, Ватутин забыл, что такое нормальный отдых. Уже почти три года он не пользовался отпуском. В его личном деле, относящемся к периоду службы в КОВО, из года в год повторялась одна и та же запись: «Очередным отпуском не пользовался...» Выходные дни отмечал только на листках календаря. А после начала Второй мировой войны для Ватутина спокойных будней вообще не предвиделось.

Между тем события в Польше опережали мероприятия, которые планировались Генеральным штабом РККА, а затем реализовывались непосредственно командованием Киевского особого военного округа. 6 сентября начальник разведотдела штаба округа полковник А.С. Пшеничников доложил Ватутину о том, что польская армия наполовину разгромлена. Серьезный урон понесли сухопутные части, а военно-воздушные силы потеряли почти 50% своего авиационного парка. В ближайшие день-два германские войска выйдут к Висле.

К 9 сентября, как и докладывал начальник разведки, немцы вышли к Висле. Тем временем была проделана огромная работа по развертыванию Киевского Особого округа в Украинский фронт. Аналогичные события происходили и у соседей — в Белорусском Особом военном округе. 9 сентября нарком обороны назначил командующим войсками Украинского фронта Тимошенко, начальником штаба — Ватутина. Однако ни командующий, ни начальник штаба фронта не знали, что с их назначением и развертыванием фронта в силу вступают секретные статьи советско-германского договора, по которому Польша делилась на сферы влияния теперь уже Гитлером и Сталиным. Тимошенко и Ватутина было ясно одно — намечается поход в Западную Украину и Западную Белоруссию. И они, как люди военные, будут выполнять приказ.

В соответствии с планом операции, который разработал Ватутин и его подчиненные, началось передвижение, развертывание войск и занятие ими исходных районов. Тем временем обстановка на польско-германском фронте продолжала быстро меняться. Польская армия отступала, неся большие потери. Ее оборона трещала по швам, управление практически отсутствовало, а государственная система фактически была разрушена.

Четырнадцатого сентября Военный совет КОВО получил очередную директиву наркома обороны СССР маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова и начальника Генерального штаба РККА командарма 1-го ранга Б.М. Шапошникова за № 16634 «О начале наступления против Польши». В директиве была поставлена задача к исходу 16 сентября

скрытно сосредоточить и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие польские войска.

Ватутин, опираясь на данные разведки и радиоперехватов, 16 сентября доложил Тимошенко о том, что польская оборона окончательно дезорганизована. Польские войска уже находятся на линии Августов — Брест — Львов, а немцы вышли к Западной Украине и Западной Белоруссии. Причем более двадцати соединений вермахта приблизились к советской границе на различных участках на расстояние 150–250 километров.

— Есть угроза безостановочного продвижения этих дивизий и вторжения на нашу территорию, — с некоторой тревогой в голосе говорил Ватутин, тут же показывая Тимошенко на карте возможные маршруты перемещения немецких войск. — Счет, Семен Константинович, уже идет на часы, — заключил он.

Командующий фронтом, выслушав доклад Ватутина, напряг лицо.

— Генштаб получает от нас исчерпывающую информацию о происходящем, знает о нашей готовности выступить, — сказал Тимошенко. — Полагаю, Николай Федорович, что сегодня ночью приказ из Москвы к нам поступит.

Потекли часы ожидания. Они были наполнены напряженной и нескончаемой работой, какая обычно бывает в штабах во время крупных учений: непрерывно звонили телефоны, стучали телеграфные аппараты, сновали по коридорам операторы с картами, неожиданно появлялись и быстро исчезали посыльные с донесениями... Наконец в 3 часа ночи поступил долгожданный

приказ, а ровно в 5 часов утра войска фронта устремились вперед.

Уже 25–28 сентября войска двух фронтов вышли на рубеж, проходивший по рекам Западный Буг, Нарев, Вепш, Сан, другим водным артериям. И хотя на пути движения советских частей неоднократно встречались отдельные очаги сопротивления, состоявшие из рыскавших по дорогам разрозненных групп гусар, осадников⁵, жандармов, они не являлись преградой для наступающих войск. Их сразу же подавляли. Основная же часть польских вооруженных сил, как правило, целыми соединениями и бригадами сдавалась в плен. Только Украинским фронтом в период с 17 сентября по 2 октября было разоружено 392 334 человека, в том числе 16 723 офицера.

В результате освободительного похода Красной Армии к Советскому Союзу отошла территория общей площадью свыше 190 тысяч км² с населением более 12 млн человек, в том числе 6 млн украинцев и 3 млн русских. Была восстановлена западная граница СССР, которая отодвинулась на 250–300 километров. Безусловно, это значительно укрепило безопасность советского государства. Гитлеровская Германия была лишена возможности использовать Западную Украину и Западную Белоруссию в качестве плацдарма для нападения на СССР.

Но вернемся к нашему герою. На протяжении всей кампании Ватутин не

⁵ *Осадники (польск. единственное число osadnik — поселенец) — польские колонисты, в большинстве отставные военнослужащие Войска Польского, получившие от государства земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии.*

знал ни сна, ни отдыха. Что на Тимошенко, что на нем лежала огромная ответственность за ее проведение. Командующий принимал решения, а перед их принятием денно и нощно шла непрерывная огромнейшая работа. Скрупулезная разработка плана, определение направлений главных ударов, составление всевозможных приказов, от мобилизации, развертывание и переброска войск, обеспечение бесперебойным управлением войсками, отдых и питание личного состава — это и многое другое лежало на плечах штаба. Завершающим этапом его работы стал отчет о действиях фронта на театре боевых действий.

Четырнадцатого ноября 1939 года в Киеве состоялся военный парад частей гарнизона и демонстрация трудящихся в честь воссоединения Западной Украины и Украинской ССР. В этот день его центральные улицы, заполненные празднично одетыми людьми, напоминали бурное весеннее половодье. Крепятик был весь запружен войсками. На осеннем солнце ярко горел кумач флагов и транспарантов, повсюду играла музыка, звучали песни. Но жизнь уже диктовала новые задачи. Войска Украинского фронта, реорганизованного обратно в Киевский Особый военный округ, перенацеливались на выполнение большого комплекса различных мероприятий. К числу первоочередных относились — передислокация частей и соединений, разработка плана прикрытия государственной границы, оборудование театра военных действий...

Ватутин, как и раньше, работал по 12–14 часов. Регулярно бывал в войсках, где проводил совещания с командирами и начальниками штабов ча-

стей и соединений, намечал с ними будущие рубежи обороны, расположение УРов. Государственная граница хотя и была отодвинута на запад на сотни километров, но теперь это была советско-германская граница и на ней стояла сильная немецкая армия. Генералы вермахта уже жадно рассматривали в цейсовские бинокли живописные пейзажи карпатских гор. Еще совсем недавно, в дни освободительного похода в Западную Украину, Николаю Федоровичу несколько раз довелось встречаться с представителями вермахта, и почему-то после этих встреч, внешне дружеских, в душе надолго поселилось предчувствие того, что именно с этими офицерами и генералами ему скоро придется воевать.

В последний день ноября 1939 года началась Советско-финская война, в Финляндии больше известная как Талвисота (Talvisota) — Зимняя война. По долгу службы Ватутин был в курсе обстановки на границе с Финляндией. Эта тема не раз обсуждалась и в кабинете Тимошенко, который являлся членом Главного Военного совета РККА и располагал полной информацией о грядущих событиях. Дело в том, что стало очевидным создание военно-политического союза Германии и Финляндии. Такое сближение не могло не вызывать обоснованной тревоги советского руководства, поскольку граница между Финляндией и Советским Союзом проходила всего лишь в 32 километрах от Ленинграда. В случае внезапного нападения на СССР, а немцы во все времена крайне эффективно использовали фактор внезапности, гусеницы их танков уже через пару часов могли грохотать по мостовым ленинградских улиц. От-

крытым оставался вход в Финский залив. Не был защищен и единственный на севере незамерзающий порт Советского Союза Мурманск, так как прикрывающие его полуострова Рыбачий и Средний частично принадлежали Финляндии.

Поэтому границу надо было отодвигать. Советское правительство рассматривало два варианта решения проблемы обеспечения обороны северо-запада: дипломатический и военный. Однако переговоры не принесли желаемых результатов. Финская сторона отказалась от обмена части Карелии на Карельский перешеек и территории близ Ленинграда. В ответ советская делегация резко заявила, что «теперь будет предоставлено слово солдатам».

И вот этот час наступил — боевые действия развернулись более чем на 1500-километровом фронте. Изначально переброски значительного количества войск из состава Киевского Особого военного округа, находившегося за тысячу с лишним километров, в этой войне не планировалось. Две-три дивизии, несколько полков... Но в дальнейшем из состава Киевского Особого военного округа было выделено 8 дивизий, 3 танковых полка, 3 артиллерийских полка РГК, 2 зенитных дивизиона, 9 отдельных артиллерийских батарей, десантная бригада, 24 лыжных батальона и другие части. Все организационные и прочие вопросы пришлось решать Ватутину и его штабу. Характерно, что преодолеть серьезные трудности никому не пришлось. Справиться с задачами помог опыт, приобретенный в ходе подготовки освободительного похода на Западную Украину.

Киевский Особый военный округ усилил группировку и своими кадрами. Когда 7 января 1940 года был создан Северо-Западный фронт, его командующим назначили командарма 1-го ранга С.К. Тимошенко, а штаб фронта возглавил заместитель начальника Генерального штаба командарм 2-го ранга И.В. Смородинов, тоже выходец из КОВО. На период отсутствия Тимошенко его обязанности исполняли его заместитель комкор В.Ф. Герасименко, а также некоторое время и Ватутин.

После завершения советско-финской войны состоялся мартовский пленум ЦК партии, на котором были рассмотрены ее итоги. Они оказались неутешительными. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) отмечалось, что «война с Финляндией в 1939–1940 гг. вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве НКО. В Красной Армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учета самолетов и танков, не оказалось зимней одежды для войск. Войска не имели продовольственных концентратов. Вскрылась запущенность в работе таких важных управлений НКО, как Главное артиллерийское управление, Управление боевой подготовки, Управление ВВС, низкий уровень организации дела в военных учебных заведениях и другое. Все это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам».

В свете решений мартовского пленума ЦК в апреле 1940 года в Кремле прошло расширенное заседание Главного Военного совета РККА. Тщательный разбор, проведенный на заседании Главного Военного совета, позволил определить первоочередные задачи для армии и флота, которые включали в

себя устранение выявленных недостатков, коренную перестройку принципов организации боевой подготовки войск и штабов. В изданном 16 мая народным комиссаром обороны СССР приказе № 120 «О боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 г.» обращалось особое внимание командования приграничных военных округов на отработку вопросов боевого применения механизированных корпусов новой организации на учениях и маневрах, которые давали возможность командному составу частей и соединений глубже осмысливать характер современного боя и операции и выявлять наиболее эффективные способы использования бронетанковой техники в сложных условиях ведения боевых действий.

В Киевском Особом военном округе боевая учеба никогда не прекращалась, но теперь, с учетом опыта советско-финской войны и начавшейся Второй мировой, она стала проводиться еще интенсивнее, по принципу «делать все так, как на войне». Командирам всех степеней и штабам была поставлена задача учить войска действиям в сложных условиях боя, сопряженным с длительным физическим напряжением. Рекомендовалось 30% учебного времени по тактической подготовке использовать для проведения занятий ночью. Максимально уплотнили учебный день. В пехоте он составлял 12 часов, в механизированных частях — 10, в артиллерии и кавалерии — 9. В выходные дни в обязательном порядке для учебных целей отводилось еще 2 часа.

В те теплые весенние дни последнего предвоенного года «Эмку»⁶ комкора

Ватутина можно было видеть в ближних и дальних гарнизонах округа — в Белой церкви и Виннице, Житомире и Проскурове... Находясь в войсках, Николай Федорович требовал от командиров и начальников учить личный состав тому, что действительно требуется на войне.

В июне 1940 года в жизни Ватутина произошло знаменательное событие. В соответствии с Указом Президиума Верховного совета СССР «Об установлении воинских званий высшего командного состава Красной Армии» от 7 мая 1940 года ему, в числе других военачальников, «имевших большие знания и опыт и показавших на деле преданность социалистической Родине», было присвоено воинское звание генерал-лейтенант.

В первых числах июня того же года новым командующим Киевского Особого военного округа был назначен герой Халхин-Гола, генерал армии Георгий Константинович Жуков, с которым Ватутин прежде не был знаком.

Суровый по натуре, командир до мозга костей, Жуков сразу признал в этом невысоком, крепко сбитом, со спокойным и вдумчивым взглядом генерал-лейтенанте настоящего профессионала. Ему импонировали глубокие военные знания Ватутина, его широкий диапазон мышления и большое трудолюбие. Да и Ватутин увидел в Жукове не только строгого и волевого военачальника, но и военачальника, профессионально подготовленного, мыслящего, умеющего управлять войсками, ясно и конкретно ставить задачи.

С приходом Жукова жизнь округа еще больше оживилась. Связано это было с подготовкой войск КОВО к оче-

⁶ Легковой автомобиль ГАЗ М-1.

редному освободительному походу — в Северную Буковину и Бессарабию. С незапамятных времен эти территории находились «под защитением» России, что было закреплено соответствующим договором. Однако в 1918 году королевская Румыния, воспользовавшись тем, что Советская Россия находилась в пучине Гражданской войны, была со всех сторон окружена войсками Антанты, присоединила Бессарабию к себе. Между тем Советский Союз никогда не мирился с насильственным присоединением этих земель к Румынии и неоднократно поднимал вопрос о возвращении их законному владельцу. К сожалению, переговоры положительных результатов не дали. Правящие круги Румынии оставались глухи к советским предложениям и вели линию на сближение с гитлеровской Германией.

Девятого июня 1940 года Жукову позвонил Тимошенко, назначенный к тому времени наркомом обороны, и передал решение правительства о создании Южного фронта для освобождения Северной Буковины и Бессарабии из-под румынской оккупации. Также Тимошенко сказал, что Жукову поручено командовать фронтом, а Ватутин возглавит штаб. Все необходимые приказы на этот счет скоро поступят.

Ранним утром 28 июня начался очередной освободительный поход Красной Армии. К 16 часам того же дня советские войска заняли города Кишинев, Черновцы, Бендеры, Аккерман⁷, Бол-

град... К 30 июня войска фронта, как и предусматривалось планом, разработанным Ватутиным, вышли к реке Прут.

В те дни в румынской армии царил разброд и шатания. Многие ее солдаты бросали оружие и расходились по домам. Как свидетельствуют документы истории Киевского особого военного округа, советские части подобрали около 53 тысяч винтовок, 1,5 тысячи ручных и станковых пулеметов, 258 орудий, большое количество патронов, гранат, мин и снарядов.

А в освобожденных городах и селах повсеместно стихийно возникали митинги и демонстрации. Особенно массовыми они были в Кишиневе, Бельцах, Измаиле, Черновцах. Прогрессивные организации создавали комитеты содействия Красной Армии, население оказывало войскам всяческую помощь.

Сразу после освободительного похода жизнь округа вновь вступила в привычную колею. Плотной чередой пошли занятия, учения, игры, на которых продолжал осваиваться тактический опыт, полученный Красной Армией в ходе освободительных походов в Западную Украину, Северную Буковину и Бессарабию, во время советско-финляндской войны и в боях с японцами в районе реки Халхин-Гол. Брался на вооружение также опыт немецких войск, накопленный ими при проведении масштабных наступательных операций по захвату европейских стран.

В тот период Ватутин по поручению Жукова подготовил командно-штабную полевую поездку со средствами связи в Западную Украину, а именно в район Тернополя, Львова, Владимир-

стровский; ныне районный центр Одесской области Украины.

⁷ *Город Аккерман, после того как был оккупирован Румынией в 1918 году, получил румынское название Четатя-Албэ. После присоединения к СССР в 1940 году он получил старое название, а в 1941 году переименован в Белгород-Дне-*

Волынского, Дубно. Что Жуков, что Ватутин, оба хорошо понимали — в случае войны с Германией главный удар гитлеровцы нанесут в первую очередь по названному району. С этой целью и проводилось учение, которое показало как положительные, так и отрицательные стороны работы командиров и начальников при решении возложенных на них задач.

Однако это командно-штабное учение стало для Ватутина последним в Киевском Особом военном округе. В один из дней ему по ВЧ позвонил нарком обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Справившись об оперативной обстановке в округе, уточнив некоторые вопросы, Семен Константинович сменил тему разговора.

— Николай Федорович, а не засиделся ли ты в округе? — спросил нарком. И, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Тут я с Борисом Михайловичем Шапошниковым имел разговор, хотим тебя в Генштаб забрать. Так что закругляй дела, пакуй чемоданы и жди приказа. До встречи в Москве!

В трубке раздались короткие гудки. Сказать, что это предложение застало Ватутина врасплох, нельзя. Еще в 1932 году, когда он был начальником штаба 28-й горно-стрелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа, Высшая аттестационная комиссия при Реввоенсовете СССР записала в протокол: «Считать целесообразным использовать тов. Ватутина Н.Ф. в Генеральном штабе РККА». В 1936 году также планировался его перевод в столицу

из Новосибирска, где он был начальником Оперативного отдела штаба Сибирского военного округа. Но из-за того, что Ватутин поехал учиться в Академию Генерального штаба, перевод отложили. С назначением Тимошенко наркомом обороны, который высоко ценил Ватутина как хорошо подготовленного штабного работника, вопрос о его переезде в Москву был предreshен. 27 июля 1940 года Ватутин был назначен начальником Оперативного управления — заместителем начальника Генерального штаба РККА.

Спустя несколько дней, сдав дела своему заместителю генералу-майору Г.К. Маладину и попрощавшись с Жуковым, коллективом штаба, Ватутин убыл в Москву.

На сей раз поезд надолго увозил Николая Федоровича в столицу. Колеса гулко отстукивали мелодии дальних дорог, оставляя позади украинские белые хаты, золотистые шапки подсолнухов над плетнями, высокие пирамидальные тополя, пышные скирды сена... В открытое окно врывались запахи спелых яблок и созревших хлебов. На душе было немного грустно. Ватутин полюбил Украину с тех самых пор, как двадцатилетним юношей надел солдатскую гимнастерку. И вот теперь он расставался с этим благодатным и солнечным краем, где осталась частица его сердца. Через некоторое время Николай Федорович перевез в Москву и семью.

Продолжение следует...